

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
Институт истории, археологии и этнографии

Мухаммадтахир ал-Карахи

КНИГА

*о значимости стремления
улучшать свои деяния
по мере сил*

*(Китаб 'ибарат
ал-и'тибар фи истислах
ал-а'мал би қадри ал-иқтидар)*

Перевод с арабского и комментарии
Р.С. Абдулмажидова, Д.М. Маламагомедова,
М.Г. Шехмагомедова

МОСКВА

Наука — Восточная литература

2014

*Исследование осуществлено при финансировании
Российского гуманитарного научного фонда,
проект № 12-01-00359*

*Влагодарим за помощь в издании книги
Региональную национально-культурную автономию
Дагестана (РНКАД)*

Мухаммадтаhir ал-Карахи

Книга о значимости стремления улучшить свои деяния по мере сил / пер. с арабск. и коммент. Р.С. Абдулмажидова, Д.М. Магамедова, М.Г. Шехмагомедова; Ин-т истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. — М.: Наука — Вост. лит., 2014. — 134 с. : ил. — ISBN 978-5-02-036568-1

В книге публикуется первый перевод на русский и аварский языки арабоязычного автобиографического произведения Мухаммадтахира ал-Карахи — крупного дагестанского историка, правоведа, знатока арабского языка и поэзии, секретаря имама Шамилия, историографа народно-освободительного движения 20–50-х годов XIX в. на Северо-Восточном Кавказе. Автор рассказывает о своей молодости, учебе, преподавательской деятельности и служебной карьере, в том числе на службе у Шамилия, а затем в системе военно-народного управления, установившего в Дагестане царской администрации.

Перевод сопровождается комментариями и факсимиле рукописи.

© Абдулмажидов Р.С., Шехмагомедов М.Г.,
перевод на русский язык, комментарии,
2014

© Магамедов Д.М., перевод на аварский
язык, комментарии, 2014

© Шихсаидов А.Р., вступительная статья, 2014

© Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанского научного центра РАН, 2014

© Редакционно-издательское оформление.

Наука — Восточная литература, 2014

ISBN 978-5-02-036568-1

В селениях [общества] Карах — суфий Мухаммадтахир из Цудды, самый безупречный из наших ученых [по части] знаний и деяний, самый набожный, самый богобоязненный, самый далекий от взяток, самый справедливый в решениях, за что его очень любил Шамиль. Раньше он учительствовал у Даниял-султана из Илису. Исключительная его набожность [проявлялась] в том, что он не принимал даже того, что выделил ему имам из казны (*байт ал-мал*).

Абдурахман ал-Газикумухи

Что касается подвигов Газимухаммада, его достоинств, а также его военных походов, то все это упомянуто в историческом труде высокочтимого Мухаммадтахира Цуддинского (Цудда). Здесь нельзя не отметить, кстати, что этот выходец из Караха (Къарахъ) был крупнейшим ученым — да помилует его всевышний Аллах! — носителем истин!

Иманмухаммад ал-Гигатли

Мухаммадтахир ал-Карахи

**КНИГА
О ЗНАЧИМОСТИ СТРЕМЛЕНИЯ
УЛУЧШАТЬ СВОИ ДЕЯНИЯ
ПО МЕРЕ СИЛ**

Перевод

(Л. 1а). К написанию этого сочинения меня подтолкнуло прочтение небольшого труда, составленного ученым, хаджи Абу-Бакром ал-‘Аймаки, под названием «Маджму‘ ал-авбаш» («Собрание глупцов»)¹. А также того, что написано в книге «Ал-Минан» («[Божественные] дары»)². Да воздаст нам Всевышний Аллах и по милости своей безграничной не сделает наши деяния и слова напрасными. И да благословит Он и приветствует своего пророка Мухаммада и весь его род. Амин, амин, амин.

«Ал-истислах» (стремление к исправлению) является антонимом [слова] «ал-истифсад» (старание испортить). То есть по мере возможности стремиться к тому, чтобы деяния были благими.

(Л. 1б). С именем Аллаха, милостливого и милосердного, и нет силы и могущества, кроме как у Аллаха³.

Самые наилучшие приветствия и благословение Аллаха тому, кого он сотворил с прекрасным нравом, нашему господину и пророку Мухаммаду, его роду и сподвижникам, во всем уповавшим на Творца.

И далее.

Это краткое изложение того, чем одарил меня Всевышний Аллах для назидания и напоминания тем, кто размышляет о последствиях и плодах своих деяний и намерений и в меру

своих сил и возможностей старается улучшать их. И при этом, независимо от места и времени, не должны они бояться каких-либо порицаний и нападков от недоброжелателей, будучи убежденными, что трудности не должны препятствовать совершению того, что в их силах. И не достоин оправдания тот, кто оставляет совершение чего-либо, что, [по его мнению], невозможно выполнить до конца. Ведь сказано: поведай о своих благих деяниях и скрывай свои недостатки...

«И благодари Господа твоего за милости» (Коран 93:11)⁴.

«...Если вы станете считать милости Аллаха, то не пересчитаете!» (Коран 16:18).

И с самого раннего детства Всевышний Аллах наполнил мое сердце любовью к справедливости и ненавистью к угнетению. Когда я вижу или слышу, что по отношению к кому-либо поступили правильно, то я радуюсь этому и меня переполняет восторг. И наоборот, если я вижу и слышу, что с кем-то поступили неправильно, то меня охватывает гнев. И я стараюсь всеми силами помочь угнетенному, чтобы отвести от него несправедливость⁵. Хвала Аллаху за такую милость и щедрость с Его стороны. Также к ним (благам от Аллаха) можно отнести мою жажду к получению знаний, хотя и говорили, что у меня нет возможности изучать науки, так как я был единственным ребенком в семье⁶.

В своем селении я прошел традиционный курс обучения до книги ал-Джами⁷. Затем женился. После чего «ухватился за подол ученого» Хаджи-Дибера ал-Хунухи⁸ — да освятит Аллах его душу. И не отлучался от него без крайней нужды до тех пор, пока не получил достаточных знаний. У этого устаза некоторое время учились также и двое сыновей Мухаммада-афанди ал-Йараги⁹ — да освятит Аллах его душу. Я относился к ним с большим почтением. После этого один из благочестивых¹⁰ говорил, что вокруг меня чувствуется чья-то особенная забота и внимание. Вероятно, это была благодать, которая исходила от шейха ал-Йараги [в благодарность] за то, что я был его сыновьям искренним и преданным товарищем.

Затем, после того как устаз Хаджи Дибир отправился к святому дому Аллаха¹¹, меня пригласили в качестве преподавателя в селение Ницовкра¹². Я жил там, довольствуясь тем,

что имел, не стремясь к богатству и славе, хотя моя семья и нуждалась в латании дыр на своей одежде.

В этот период я посещал в Казикумухе устаза Джамалуддина¹³ — да освятит Аллах его душу. Они (жители с. Ницовкра) были настолько убеждены в моей праведности, что Махмудхан¹⁴ однажды сказал им про меня: «Если даже он скажет, что является пророком, то вы ему поверите». Это было время, когда Шамиль (л. 2а) — да освятит Аллах его душу — был окружен на Ахульго¹⁵ и, спасаясь, ушел в сторону Чечни.

В следующем году случилась засуха, и земля потеряла свою благодать¹⁶. Тогда для приобретения продовольствия я вынужден был отправиться в Цудахар¹⁷. Это был единственный случай, когда Всевышний Аллах вынудил нас искать пропитание таким способом. И это также из милостей Аллаха к нам. В том же году родился Хабибуллах¹⁸. И началось возвышение могущества имама со стороны Чечни¹⁹. В это время я просил Всевышнего Аллаха, чтобы власть имама дошла и до Караха и чтобы наибом над нами был поставлен Абдурахман ал-Хучуви²⁰.

После его назначения наибом над нами он пребывал в селении Тлярош²¹. Я встретился с ним и, хотя был моложе его, а он был старше даже моего отца, сказал ему: «Дом, в котором ты проживаешь, является местом, где собирается государственная казна (*байт ал-мал*). Никоим образом не смешивай это имущество с тем, что принадлежит лично тебе». Он исполнял мое назидание до тех пор, пока не переехал в свое родное селение. Он назначил меня кадием селения Тлярош, без моего на то желания, и я не смог избежать этой участи.

После этого я очень хотел, чтобы наибом стал Нурмухаммад ал-Хунуи²². Однако один праведный человек, который был моим преданным другом, сказал мне: «Я думаю, что если Нурмухаммада назначат нашим наибом, то между вами произойдет разлад». Так и случилось, без всяких на то причин. После того как он был назначен, я уединился с ним и его близким другом Нурасул Дибиром²³ и обратился к нему со словами: «Все просчеты, которые допускают правители, происходят из-за их тяги к имуществу. Ты можешь распоряжаться казенным имуществом как тебе заблагорассудится, однако не

путай его с твоим личным». Они согласились с этим моим на- зиданием.

Затем я ушел с должности кадия Тляроша по собственному желанию и с его (наиба Нурмухаммада) согласия. Однако через некоторое время он отправил меня в Телетль²⁴ по прось- бе Кебедмухаммада²⁵, чтобы исполнять там обязанности ка- дия. Но я не взял на себя это обязательство и вернулся к себе домой. Спустя некоторое время наиб Нурмухаммад потребо- вал от меня стать кадием в селении Гочоб. Тогда я отправился к имаму и сказал ему: «Наибы распоряжаются делами кадиев так, как им заблагорассудится! Разреши мне остаться дома или же прикажи дать мне возможность выносить решения для тя- жущихся по собственному усмотрению. Я ни в чем не стану препятствовать наибу, чтобы общественные дела не пострада- ли». На что имам ответил: «Продолжай выносить решения согласно Корану»²⁶.

В скором времени наибом над нами был назначен Данийал- бек²⁷, и по повелению имама меня стали называть муфтием²⁸. При первой встрече я ему (Данийал-беку) сказал: «Когда я буду посещать тебя, то буду садиться за твой обеденный стол, а когда ты придешь в мое селение, то я не обязан буду тебя угощать». С чем он выразил свое полное согласие.

Тогда же я стал кадием в нашем селении (т.е. в с. Цулда) с целью облегчения отправки писем и посыльных²⁹. В это время жители нашего селения по моему приказу и с их всеобщего согласия начали строительство крепости Тлулунуб³⁰, затратив большие усилия³¹.

В период наибства Хаджиява, сына Хаджжи-Дибира³², мы привлекли к работе по строительству этой крепости всех муж- чин из окрестных селений.

(Л. 26). Однако эта крепость оказалась не востребованной. Надеюсь, что Всевышний Аллах не оставит без вознагражде- ния тех, кто участвовал в этом деле, в зависимости от намере- ний каждого.

После того как военачальником войска у Данийала стал Ну- расул Дибир, оставшись с ним наедине, я сказал ему: «Будь чисто плотным в отношении общественного имущества». Он спросил: «А как быть с тем, что я совершил до этого?» Я отве-

тил: «Забудь о прошлом и с этого момента старайся быть чистоплотным». С чем он выразил свое полное согласие.

(Л. 26 доп. 1). За время работы в должности муфтия я сделал все возможное для того, чтобы раздача закята³³ тем категориям лиц, которым он положен в нашей области, осуществлялась согласно нормам шариата. А также [приложил усилия] для освобождения мечетей от того, для чего они не предназначены, запретив людям раздавать там все, что может их осквернить. Я убрал оттуда (т.е. из мечетей) вещи, подобные полкам для обуви. И запретил строительство комнат для кадиев в мечети и проживания [там] мутаалимов. Все это одинаково тяжело воспринималось как кадиями, так и простыми жителями. Ведь оставлять привычное человеку так же тяжело, как если бы ему отсекали какой-нибудь орган.

Я установил низам³⁴, по которому на военные нужды разрешалось забирать часть имущества только у состоятельных лиц.

Однажды ученый Шу‘айб ал-‘Ури³⁵ — да смилуется над ним Аллах — сделал мне назидание: «Почему ты не советуешься по вопросам, касающимся твоей работы, со своими почтенными учителями?» На что я ответил: «Я советуюсь с ними лишь в тех вопросах, которые мне неясны, а если я буду советоваться с ними в том, что я знаю сам, и они посоветуют мне обратное, то в этом случае мне придется поступать наперекор своим знаниям. А если я приму решение исходя из собственных знаний, то мне придется пренебречь их советами. В этом случае их сердца могут отвернуться от меня». Тогда он сказал: «Ты прав!»

В другой раз конюх Данийал-бека рассказал мне, что он кормит его лошадей из одной трети закятного имущества. На что я сказал: «Не дозволено такое». Данийал-бек испугался и сказал: «А разве нельзя давать корм лошадям мухаджиров³⁶ из закятного имущества?» На что я ответил: «Ты не сравнивай себя с ними (мухаджирами), поскольку в твоих руках достаточно средств, чтобы не нуждаться в закятном имуществе». Он понял это и перестал кормить своих лошадей на средства закята.

Периодически, когда среди мухаджиров или между мухаджиром и местным жителем происходил спор, Данийал-бек

говорил: «Мне бы хотелось, по возможности, чтобы дело решилось в пользу такого-то». Всевышний Аллах знает, что я никогда не принимал решений, следуя таким его словам (пожеланиям).

Как-то раз он со своим переводчиком уединился со мной и сказал: «Много людей часто убегают из войска домой, заявляя, что предпочтут в качестве наказания заточение в тюрьму, чем переносить все тяготы, находясь в войске. Мне хотелось бы сделать наказанием за дезертирство конфискацию их имущества, чтобы люди перестали убегать». На что я ответил: «Нет никакого права отбирать имущество у бедняков». Он начал спорить со мной насчет этого и в конце концов сказал: «Разве нет для этого хотя бы маленькой лазейки?»³⁷ Я ответил, что нет никаких лазеек. Тогда он отдал распоряжение, по которому [за дезертирство] бедняков заключали в тюрьму, а у богатых отбирали имущество»³⁸.

Тому, кому выносил благоприятное для него решение, я говорил, что это благосклонность к нему со стороны наиба Данийала, а тому, кому выносил тяжелое наказание, говорил: «Поистине, это решение шариата против тебя». Все это делалось мною, чтобы люди не отворачивались от назначенного над ними правителя.

И я никогда, ни явно, ни скрытно, не проявлял вероломство ни по отношению к народу, ни по отношению к правителю, независимо от того, был ли он мусульманином или неверным.

Я не давал надежды ближнему своему на претворение в жизнь его лжи. И не приводил в отчаяние дальнего в отстаивании им правды. Я показал и врагу и другу как горечь, так и красоту истины. Я никого не учил ни лжесвидетельству, ни ложной присяге. Я всегда был искренен с тем, кто обращался ко мне за советом. Поэтому со мной советовались те, кто желал справедливости. И не приближался ко мне тот, кто желал учинить несправедливость и произвол. И хвала Всевышнему Аллаху за это.

(Л. 26 доп. 2). Я никогда не навязывал свои желания тем, кто у меня обучался, а говорил только то, что, по моему мнению, являлось для них полезным. Я никогда не проявлял халатность в совершении молитв и чтении хутбы³⁹ и всегда выдвигал вперед⁴⁰ более достойного, чем я.

Я не дискутировал с кем-либо о научных вопросах, если, по моему мнению, истина была не на моей стороне. Я признавал за оппонентом правду и находил в этом огромное благословение от Всевышнего. Я не заставлял тяжущихся примириться против их воли и сам не принимал в этом участие, а отправлял к ним кого-либо, чтобы их примирить.

Я никогда не выносил решения, противоречащие полученным мною знаниям, притворяясь при этом несведущим. Это яма, в которую попадают большинство кадиев, когда и стар и млад из них твердят: «Ибну Хаджар, Ибну Хаджар»⁴¹. Однако, когда к ним обращаются с каким-либо вопросом, который они знают⁴², то, притворяясь незнающими, они выносят решения по ложному свидетельству или присяге, противоречащие *иджме*⁴³ или тому же Ибн Хаджару, боясь при этом выносить правильные решения, основанные на собственных знаниях и вопреки показаниям лжецов.

Я уже говорил ранее о моей приверженности к справедливости и ненависти к несправедливости, от кого бы она ни исходила и против кого бы она ни была направлена. Будучи муфтием, я никому не угождал, ни частному лицу, ни какой-либо общине (*джама'ат*), чтобы назначить кадия или начальника⁴⁴. Я не встречал никого на моем веку, кто был бы чист от всего упомянутого. Все это из милости Аллаха ко мне и той заботы и помощи, которую он оказывал мне без всяких заслуг с моей стороны. Хвала Аллаху за это.

Однажды я сказал одному проницательному ученому, обладавшему ораторским талантом: «Почему вы, опережая меня в знаниях, имея более совершенный разум, красноречивый и искусный язык, (л. За) не отклоняясь от истины, не придерживаетесь правильного и достоверного слова, чтобы люди поверили и следовали за вами?» На что он ответил: «Ты не отклонялся от правильного пути с самого начала, и люди верят твоим словам. Мы же не приучили себя к этому, и люди сейчас уже не верят нам, даже если мы говорим истину и отстаиваем ее». Воистину то, что он сказал, соответствовало действительности.

Как-то я сказал одному ученому наibu: «Тебе не подобает брать на себя обязанности кадия и вмешиваться в судебные споры». На что он ответил: «Если я так не сделаю, люди не

повернуться в мою сторону». Однако такое деяние несправедливое. И да поможет Всевышний Аллах на истинном пути.

Я всегда фиксировал все, что отдавал или получал из казны (*байт ал-мал*). Когда я был смещен с должности муфтия, то передал этот список Данийал-беку, о чем он сказал, что так раньше никто не делал.

После моего ухода с должности муфтия, на одном из собраний ученых Данийал-бек вновь поднял вопрос, упоминавшийся ранее⁴⁵. Самый старший из них сказал: «Мы отберем у них (дезертиров) их имущество, даже если придется вытаскивать [его] из зада». При этом Данийал-бек улыбаясь посмотрел в мою сторону. Он прекрасно знал о том, что я не буду угождать ему в вопросах религии. И что мне не свойственно корыстолюбие и тщеславие.

После того как я перестал исполнять обязанности муфтия, он (Данийал-бек) сказал мне: «Если ты увидишь или услышишь, что я на неверном пути, дай мне знать хотя бы письмом или через посыльного». Он хотел, чтобы я взялся исполнять какую-нибудь должность при нем, однако я отказался.

После этого по воле Всевышнего Аллаха мне было предписано жить вместе с имамом и мухаджирами в селении Дарго⁴⁶.

Вместе с ним там также проживали, сменяя друг друга, и его ученики Тинамухаммад ал-Цулди⁴⁷, Хаджийав ал-Гуни⁴⁸, Ахмад сын Нурава ас-Сугури⁴⁹, Шамсуддин ал-Хачади⁵⁰, Абдуллах⁵¹ и Абу-Бакр из Цулда⁵² — да соберет Аллах нас всех в раю! Амин⁵³!

Я написал на листке письмо товарищу имама, которое сейчас находится в конце тома книги «Мугни ал-лабиб»⁵⁴. Я просил разрешения поселиться рядом с имамом и получил ответ, полный почтения и любви. Тогда я отправился в Дарго и провёл там четыре зимы и три лета, питаюсь тем, что брал с собой из дома. Хотя имам часто звал меня в гости и дарил подарки.

Он испытывал меня, приглашая жить в своем доме, одаривал имуществом и даже через моих друзей предлагал мне жениться. Однако я отказался жить в его доме, вернул ему подаренное имущество и категорически не согласился на женитьбу. На одном из собраний имам даже сказал про меня: «Этот Мухаммадтахир отказывается брать мои подарки. Может, это

оттого что он думает, будто что-то в моих руках является сомнительным?»⁵⁵ Я ответил: «Я не считаю это сомнительным, но боюсь, что ты даешь мне это из-за симпатии ко мне, а не потому, что я этого достоин».

Однажды он отправил мне тулуп из шкур ногайских ягнят с письмом, что он дарит мне его в виде «назра»⁵⁶. По дороге домой я надел его один раз, однако по возвращении обратно в Дарго я вернул его имаму с письмом, в котором благодарил его и читал за него *ду'а*⁵⁷.

Из-за подобных случаев имам и его окружение были убеждены в том, что я не претендую ни на имущество, ни на власть. И тем самым мой авторитет в глазах имама возвысился до такой степени, что его охрана (л. 3б) никогда не препятствовала мне посещать его и не отбирала мой кинжал. Сам имам никогда не давал мне садиться напротив себя, а всегда усаживал меня рядом. Однажды я вошел к нему и нашел его вместе со стоящим перед ним его товарищем Раджабил Мухаммадом ал-Чиркави⁵⁸. Тогда имам встал ради меня, и я растерялся, смущаясь из-за такого его поступка, и даже забыл поприветствовать их. Каждый раз, вспоминая этот случай, я испытываю чувство стыда⁵⁹.

Имам вынудил меня взять то⁶⁰, что он давал в то время, когда я был занят записыванием происходивших событий⁶¹. А также когда он получил выкуп за пленных грузин⁶². Я также взял у Данийал-бека то, что он мне дал, когда я работал преподавателем.

После настоятельных уговоров имам поселил меня на зиму в одной из комнат своего дома. Когда между имамом и одним из его приближенных мюридов или наибов (Амирхан⁶³, Муртаза'али⁶⁴, Хаджийав ал-Карани⁶⁵, Шайхил Абдулла⁶⁶ и др.) случался разлад, то они старались при моем посредстве найти примирение.

Имам дважды намеревался поселить меня в Карата⁶⁷ в качестве преподавателя для своего сына Газимухаммада. Но Всевышний Аллах уберег меня от этого. В первый раз из-за требования этой должности одним ученым для себя, и во втором случае по такой же просьбе от другого ученого⁶⁸. Хвала Всевышнему Аллаху за это.

Затем, когда произошло то, что преопределил Всевышний Аллах, и власть русского падишаха⁶⁹ возобладала, люди начали сплетничать про меня наибу Муртаза'али ат-Тилитли⁷⁰. Однако когда я увиделся и поговорил с ним, то он понял, что я чист от их наговоров.

После этого Назаров⁷¹ через наиба Муртаза'али вызвал меня в селение Хубитль⁷², чтобы я пришел к нему с книгой о сражениях времен Шамиля. Я написал Кебедмухаммаду: «Если я скажу, что уничтожил эту книгу, не удовлетворится ли этим ответом Назаров?»

От него пришел ответ, что этого недостаточно и чтобы я пришел с этой книгой. Тогда я пошел к Назарову с ней. Он взял ее у меня и сказал: «Если бы ты не пришел с ней, то между тобой и мной не было бы ничего хорошего, сейчас же ты мой друг». Он говорил со мной с укоризной, сказав, что такому человеку, как я, давно следовало бы нанести ему визит. На что я привел в свое оправдание ряд аргументов, которые он принял. И все, кто находились в его окружении, даже те, которых я до той поры не видел, проявляли ко мне почтение.

Затем Назаров сказал: «Я хочу, чтобы ты переписал мне эту книгу». И приказал одному из своих служащих принести десять рублей⁷³ и со словами: «Возьми их себе», — протянул ко мне руку. Я несколько раз отказывался брать их, а он продолжал стоять с протянутой рукой, и все, кто стояли вокруг, подавали мне знаки, чтобы я взял их.

Однако я сказал: «Я не нуждаюсь в деньгах, но у меня есть к тебе другая просьба». — «Какая?» — спросил он. Я ответил: «Чтобы ты написал мне и моему сыну бумагу о том, чтобы с нас сняли повинности, которые наложены на население». Назаров ответил на это: «Я напишу ее после того, как ты перепишешь книгу». И заставил меня взять то, что он давал, сказав, что это всего-навсего оказание почтения гостю. И после того как я вторично пришел к нему (л. 4а) с книгой⁷⁴, по моей просьбе он написал то письмо, которое принесло нам очень много пользы в дальнейшем.

Все это явилось милостью от нашего Господа, Великого Творца, в то время как люди, питающие иллюзии, злорадовались и были убеждены в том, что я и подобные мне люди, ко-

торые ратовали за шариат и придерживались его, будут уничтожены или же унижены. «Воистину, Аллах оберегает тех, кто уверовал. Поистине, Аллаху неугоден любой вероломный и неблагодарный» (Коран 22:38).

Затем, когда поднялась смута Муртуза⁷⁵, множились сплетни и наговоры, и многие пострадали от этого. Часть из них была отправлена в Сибирь, а другие бежали и скрывались. Люди начали ходить с доносами на меня к Назарову. Мои братья и друзья испугались за меня. Через нукера от диван-бега⁷⁶ в Хубитле (Гунибе) пришло известие: «Назаров разгневан на тебя и поминает недобрым словом, и поступай как знаешь». На что я ответил посыльному: «Хвала и благодарность вам за то, что известили меня о таком положении, однако с моей стороны не было никакой измены. Но если Всевышний Аллах желает испытать меня, то никто не может воспрепятствовать тому, что он предписал».

Также пришло известие от мудрого Гилла ал-Хини⁷⁷ — да возвеличит его Аллах, — чтобы я тайком явился к нему и на пару месяцев укрылся у него. Однако Всевышний Аллах наполнил мое сердце терпением и надеждой на Него. И постепенно дело разрешилось, так как за мной не было установлено никакой вины, которую мне вменяли доносчики и сплетники. И кроме того, Муртаза‘али ат-Телетли оправдал меня от возводимых наговоров.

Далее. Когда набом над нами был назначен ученый Мухаммадмирза⁷⁸, то он запретил мне выносить какое-либо решение без его на то разрешения. И так прошло некоторое время. Затем, однако, он дал мне полную свободу в вынесении решений.

В это же время он (Мухаммадмирза) приказал мне явиться к Назарову с каким-нибудь подарком. Я отправился к нему с тремя раталами⁷⁹ масла. Назаров, увидев меня и поприветствовав, сказал: «У дервишей три категории: одна категория враждует со мной, вторая боится меня, и третья — это те, которых я люблю. Ты из числа последних. Ничего не бойся».

Тогда я ответил: «Я пришел к тебе с небольшим подарком в знак признательности за то, что ты не поверил тем, кто оклеветал меня». На что он ответил: «Действительно, до меня до-

ходили слухи о тебе, однако я всем говорил, что ни в чем тебя не подозреваю». И продолжал: «Я знаю, что ты любишь шариат и свою религию, и в этом нет ничего предосудительного. Обучай людей благонравию, не вводи их в смуту и не навязывай им ложные утверждения. Я не склонен думать, что ты это делаешь, однако некоторые ученые этим занимаются». И добавил: «Ты не обязан был приносить мне что-либо, так как ты не являешься тем, кто получает от меня подарки и ест мою пищу».

(Л. 4б). Затем, когда умер ученый Муртаза‘али ал-Уради⁸⁰ — да смилостивится над ним Аллах, — который являлся кадием в суде Темир-Хан-Шуры⁸¹, поползли слухи среди народа, будто бы меня пригласят занять его место. Тогда я попросил ученого и наиба Мухаммадмирзу, в случае если начальство спросит у него насчет меня, сказать, что я непригоден для этого дела.

Однако у него ни о чем не спросили, а меня самого вызвал начальник Хубитля Кармалин⁸² и сказал: «Тебя требует к себе Меликов⁸³ для того, чтобы назначить кадием Шуринского суда». Тогда я попросил его, чтобы он сообщил Меликову о моей непригодности занимать такую должность и о том, что мое физическое состояние не позволяет прийти к нему.

Кармалин согласился с этим и отправился в Шуру. Вернувшись оттуда, он известил меня о том, что Меликов не внял его словам и приказал мне лично явиться к нему. Тогда я отправился к Меликову. Он поприветствовал меня, после чего я взял с него слово, что он не будет гневаться на то, что я осмелюсь ему сказать. И стал объяснять ему причину своего нежелания занять предлагаемую должность кадия.

Внимательно выслушав меня, он сам обратился с речью ко мне. О, Всевышний Аллах, какая у этого человека удивительная прозорливость и мягкая речь, с которой он обратился ко мне, чтобы опровергнуть все мои отговорки и вынудить меня взяться за это дело. Меликовым было сказано следующее: «Я назначен над вами, а религия у нас разная, и не отличить мне праведного от неправедного в вашей религии. И я желаю, чтобы рядом со мной находился подобный тебе человек, чтобы установить истину и выявить ложь. И если ты

не согласишься на мое предложение, то не совершишь ли ты греховное?».

Я ответил ему: «Да, это грех, но только в том случае, если бы я отказался, будучи в состоянии исполнять эти обязанности. Однако мое тело немощное, и я не в состоянии исполнять эти обязанности».

На что он ответил: «Разве Всевышний Аллах не в состоянии дать силы твоему телу, если ты возьмешься за это дело?» И мне ничего другого не оставалось, как согласиться с его доводами, и я ответил ему: «Хорошо, я приду и попробую исполнять эти обязанности». И еще добавил: «Если я не справлюсь, то вы не задавайтесь вопросом, почему он взялся за то, с чем не может справиться».

На что он ответил: «Нет-нет». И добавил: «Ты не будешь работать как остальные и будешь иметь право приходить тогда, когда тебе позволит состояние твоего здоровья. И когда мы попросим тебя прийти, можешь явиться через месяц или два, а если будешь не в состоянии, то можешь отправить свое доверенное лицо». Еще Меликов сказал мне: «Если хочешь, я запишу твоего сына на службу», однако я отказался от этого. Он также приказал выделить мне 50 рублей на дорожные расходы для обратного пути. На что я сказал: «Я дервиш, и на руках у меня достаточно средств для обратного пути». Однако он настоял на своем и вынудил меня взять эти деньги.

Осенью 1286 г.х. (1869 г.)⁸⁴, когда я отправился в Шуру, то прежде чем войти в суд, я встретился с начальником дагестанских судов и сказал ему: «Я не приемлю очистительной присяги⁸⁵ прежде свидетельских показаний, а также „назра“ (наследования по завещанию), сделанное с ущемлением законных прав наследника». На что он ответил: «Делай так, как сказано в вашей книге».

Когда я отказался принять справку кадия селения об обвинительной присяге, (л. 5а) предъявленной истцу, то все члены суда и помощник⁸⁶ были крайне возмущены этим. Как часто я поступал подобным образом против их воли? Столько, сколько позволяло мне время и место⁸⁷!

Что касается известного вопроса по назру, то, когда я опроверг принятое по нему решение, ученые суда, как и многие

другие ученые этих краев, воспротивились этому и выразили свое крайнее недовольство. И некоторые крупные ученые из их числа отправили решение, принятое по этому вопросу мною, а также ученым, устанавливающим истину — покойным Мухаммадом сыном Ибрахима ал-Карахи⁸⁸, — всем, кто имел какое-либо отношение к науке, даже на территорию, подвластную падишаху ислама⁸⁹.

И однажды в суде мне вручили листки, на которых содержалось наше решение и отзыв на него одного известного ученого⁹⁰. Помощник Запороженко⁹¹ обратился ко мне со словами: «Напиши о своем восприятии того, что написал этот ученый». На что я ответил: «Какая польза от того, что я напишу, в то время как на этом свете нет никого, кто бы выступил с поддержкой моего мнения по этому вопросу». На что он ответил: «Найдется тот, кто выступит и на твоей стороне». Тогда я забрал эти листки домой и изучил их.

Оказалось, что написанное тем ученым опровергало слова покойного Мухамада ибн Ибрахима ал-Карахи — да освятит Аллах его душу. Но я не нашел ничего такого, что опровергало бы написанное мною. Я сказал помощнику: «То, что написано тем известным ученым, никак не противоречит тому, что написал я». И что он лишь возражает словам того покойного ученого. После недолгого молчания помощник сказал: «Наверное, он не нашел в твоих словах уязвимых мест и решил показать свои знания, опровергнув написанное тем⁹² ученым». После этого все решения по назру за время моего нахождения среди них принимались согласно тому, на чем я настаивал.

После того как Всевышний Аллах претворил в жизнь то, что я считал правильным, при посредстве христианского правителя, я надеюсь, что Он воздаст мне за мои старания на пути противоборства неправильному назру в день, когда все тайное становится явным. Хвала Аллаху, господу миров.

Они (христианские правители) проявляли почтение к моей религии и к моим знаниям. Примером этому служит то, что, когда прибывало высокое начальство⁹³, меня не беспокоили и оставляли в покое. В то время как [чиновников], подобных мне, заставляли приезжать даже издалека. И когда меня при-

глашали на какое-нибудь торжество, то не ставили на столах выпивку, пока я не покину застолье.

Далее. Когда я впервые вошел в здание суда, к нам (т.е. членам суда) обратились с иском по поводу совершенной ранее сделки с мельницей. Со слов обеих сторон стало ясно, что заключенный ими договор является недействительным. Тогда я сказал, что им не остается ничего другого, как покупателю забрать свои деньги, а продавцу свою мельницу обратно.

Тогда начальник суда Магалов⁹⁴, человек, всем своим видом внушавший окружающим почтение, сказал: «А нельзя ли прекратить их тяжбу, не аннулируя при этом сделку?» Я возразил на это, сказав: «Согласно Корану, для них нет другого решения». Магалов несколько раз выражал свое пожелание, однако я, с божьей помощью и заботой, настоял на своем решении. И, видя мою настойчивость, Магалов все-таки исполнил мое решение, сказав, (л. 5б) что до сих пор в этом суде решения не принимались таким образом.

Однажды большой генерал⁹⁵ Меликов вызвал меня к себе и сказал: «Я приказываю вызвать всех кадиев в моей области к тебе, чтобы ты принял у них экзамен, с тем чтобы определить соответствие каждого из них должности кадия». Тогда я ответил: «В таком случае я буду спрашивать у них о решениях по шариату, так как эта область знаний является самой необходимой для исполнения функций кадия». — «Нет, — возразил он, — спрашивай у них о религии в целом, и в случае если они будут ошибаться в вынесении решений по шариату, вы (т.е. члены суда) сможете их исправить здесь».

И мы задавали следующий вопрос каждому кадию: «Какое из деяний будет самым достойным после двукратного свидетельствования?»⁹⁶.

Если он отвечал: «Это молитва», — то мы спрашивали: «Какова же наилучшая форма ее совершения?»

Если он отвечал: «Совершение ее в коллективной форме», — то мы спрашивали: «Кто более всех достоин быть имамом при совершении коллективной молитвы в селении?»

Если он отвечал: «Кадий этого селения», — то мы спрашивали: «Совершаешь ли ты подобным образом все молитвы?»

Затем мы спрашивали: «На что в первую очередь должен обратить свое внимание кадий, когда назначается на эту должность?»

Если он отвечал: «Это те лица, на имущество которых наложен арест по долговым обязательствам», — то мы осведомлялись: «Обращаешь ли ты на это внимание?»

Еще мы спрашивали о категориях лиц, которым положена рздача закята того селения, где работал кадий. И если он отвечал, что таких категорий четыре, то спрашивали у него: «Распределяешь ли ты закят между ними согласно Корану?» Еще мы спрашивали у него: «Когда тебя приглашают заключить брачную сделку, ограничиваешься ли ты свидетелями, которых обе стороны привели? Или же все-таки узнаешь об их благочестии?»⁹⁷.

Затем мы спрашивали: «Когда умирает человек, каким образом следует распорядиться его наследством?» Если он отвечал, что следует начинать с возмещения его долгов, а затем исполнения его завещания, распределив оставшееся имущество среди наследников, то мы спрашивали: «Заставляешь ли ты людей следовать такому порядку?»

После этого мы отпускали его домой, поручив ему записать заданные нами вопросы и его ответы на них. И так далее, и так далее, и так далее...

Все мы принадлежим Аллаху, и все мы будем к Нему возвращены⁹⁸.

Однажды, когда к нам в суд зашел посыльный сардара Старосельского⁹⁹, он обратился ко мне и сказал: «Наверное, ты знаешь адаты, существующие в вашем округе?»

На что я ответил: «Я ничего не знаю из адатов, кроме того, что написано в книгах по шариату». Начальник судов Дагестана Сараджев¹⁰⁰ добавил к моим словам: «Он выносит решения согласно тому, как написано в Коране. А остальные выносят решения согласно адату».

В другой раз, когда среди членов суда встал вопрос, можно ли принудить сестру принять клятву за брата, то председатель¹⁰¹ Запороженко обратился ко мне: «Наверное, ты знаешь об этом». Но я ответил, что не знаю.

Иногда члены суда вместе с председателем выносили решения, противоречащие шариату, и всячески старались привлечь

меня к этому, требуя и моей подписи под их решением, утверждая при этом, что необходимо единогласие всех членов суда¹⁰². Однако я им говорил: «В конечном счете моей обязанностью является разъяснение норм шариата, и я не могу выносить такое решение. Если пожелаете, то исполняйте решение, вынесенное мною, или же поступайте так, как считаете сами».

Подобным случаям соответствует изречение мудреца: (л. ба) «Человек обязан стараться для собственного блага, и время не обязано ему благоприятствовать. От Аллаха исходит помощь и забота, и Он не обязан делать так, чтобы нам во всем сопутствовал успех...»

А во времена правления имама Шамиля было дозволено говорить правду и исполнять справедливое решение было легко. Так, в период наибства Абдуррахмана он созвал всех ученых и кадиев округа для обсуждения вопроса о взысканий долгов с неплатежеспособных должников. Они долго обсуждали и спорили о том, как наиболее приемлемым образом разрешить этот вопрос. Однако я не дал им вынести решение, в чем-то противоречащее шариату. Уезжая, наиб, пожав мне руку, улыбнулся и сказал: «Неужели нельзя было хоть в чем-нибудь уступить им?»

В другой раз наиб Абдуррахман арестовал ученого ‘Антасул ‘Умара¹⁰³ и, собрав всех кадиев и почетных людей, стал говорить, что убьет его за слова, сказанные им в присутствии Бегасул ‘Али¹⁰⁴ из селения Ках. Кадии стали заступаться за него и просить наива простить его. Тогда я сказал: «Не подобает заступаться за знатного человека, а простых людей оставлять без заступничества. Если для казни ‘Антасул ‘Умара есть достаточно оснований, пусть он будет казнен. Но одно слово нечестивца Бегасул ‘Али не является основанием, чтобы казнить благопристойного ученого». Наиб прислушался к моим словам и отпустил ученого ‘Умара.

Когда Шамиль собрал наивов, кадиев и ученых в Анди¹⁰⁵, это было впервые, когда я увидел его после того, как он был избран имамом. Тогда он сказал: «Пусть соберутся все ученые и сообщат мне о [чем-то] неподобающем с моей стороны или со стороны моих наивов».

Ученые собрались и начали обсуждать между собой случаи растрат и присвоения наибоми имущества из общественной казны. Тогда я сказал: «Это болезнь, которая поражает не только наибов, но и нас с вами, кадиев и ученых, когда какое-либо общественное имущество оказывается в наших руках». После этих слов все присутствующие вокруг замолчали.

Через некоторое время, когда имам вновь собрал их в Сивухе, один из ученых наибов обратился к почтенным ученым с просьбой попросить имама о том, чтобы он не назначал наибом невежественного человека, так как деятельность такого наибо плохо отражается на подвластной ему территории. Многие согласились с этим предложением, однако я возразил: «Невежество не является причиной распушенности и бесчинства наибов, так как ученый наибо может быть гораздо хуже, если он подвержен страстям и при этом находит для себя оправдание и обоснование своих действий и не прислушивается к чьим-либо назиданиям».

Наверное, в обоих случаях они вспомнили слова Всевышнего, сказанные в Коране: «Неужели вы станете призывать людей к добродетели, предав забвению свои [деяния], ведь вы же [сами] умеете читать Писание? Неужели вы не хотите призадуматься?» (Коран 2:44), — и не стали обращаться к имаму с жалобами.

В другой раз Шамиль собрал (л. 6б) наибов, ученых и почетных людей и сказал им: «Строго следуйте букве шарията и не отталкивайте людей от него, используя шарият в угоду собственным страстям».

Далее, когда люди вышли из мечети, там остались имам и еще несколько человек. После совершения молитвы один ученый из Келеба¹⁰⁶, опираясь на поддержку другого крупного ученого из Караха, стал просить имама, чтобы тот дал право разрешить по адату вопрос с вакуфным скотом в Келебе. Они оба так старались убедить имама, что он уже был готов согласиться с их мнением. Однако я сказал: «То, о чем вы просите, невозможно принять, так как это нарушает сегодняшние указания имама¹⁰⁷». Имам улыбнулся и сказал: «Он не позволит мне поступить так, как вы просите».

Когда имам провел собрание в хунзахском Геничутле¹⁰⁸ и наибы со своими последователями разошлись по домам, то наш наиб Хаджийав ал-Карахи вернул меня обратно под тем предлогом, что ему нужно спросить меня о чем-то. Вернувшись обратно, я застал почетных лиц Хунзаха, собравшихся вокруг имама. Вместе с ним были остальные его товарищи и Мухаммад ат-Тануси¹⁰⁹. Они просили имама сделать своей резиденцией Хунзах, а он и не соглашался, и не отказывался от этого предложения. Тогда я обратился к ним со словами: «То, о чем вы просите имама, невозможно решить в этом месте таким образом». Мухаммад ат-Тануси на это сказал: «Какой же прекрасный совет!» Тогда хунзахцы замолчали. После этого имам объяснил мне, для чего отправили за мной наиба¹¹⁰.

Однажды по приказу Шамиля ученые Гидатля¹¹¹, Караха¹¹² и Аварии¹¹³ собрались в селении Голотль¹¹⁴ для обсуждения вопроса по поводу убийства одного человека наибом Кебед-мухаммадом из-за своего брата Муртаза‘али ат-Тилитли. «Рога» ученых смягчились¹¹⁵, а их сердца склонились к тому, чтобы кровь убитого осталась неотмщенной. Я вступил с ними в диспут, в котором более всех упорствовал самый известный из них.

В конце концов я доказал, что вынесенное решение по данному вопросу является ошибочным. И убийцу обязали выплатить дийат, как в случае непреднамеренного убийства¹¹⁶. Это действие было совершено мною лишь ради довольства Аллаха, для претворения в жизнь истины и в назидание людям.

Впоследствии мудрый и достойный Муртаза‘али¹¹⁷, несмотря на такой мой поступок, очистил меня от наговоров перед этим мужланом¹¹⁸ Назаровым. О чем уже выше говорилось. Да воздастся ему благами от Всевышнего на этом и на том свете.

В другой раз к нам прибыл доверенный человек имама и Данийал-бека с поручением снять с должности наиба Хаджийава ал-Карахи и назначить вместо него Курбанил Мухаммада ал-Бацади¹¹⁹. Для этого были собраны все ученые и почтенные люди. Тогда я встал и в присутствии всех сказал: «Снимают кроткого и доброго наиба, а на его место назначают грубого и с тяжелым характером. Это можно объяснить только тем,

что Всевышний Аллах разгневан на нас. И Он решает, как пожелает, и никто не в силах воспрепятствовать этому».

Этот Курбанил Мухаммад держал на меня обиду за случай, произошедший ранее. Когда народ разошелся, то следом за мной пришел посыльный от него и попросил, чтобы я пришел к нему домой. Ту ночь я провел в его доме. В дальнейшем он не выносил ни одного решения, не посоветовавшись со мной, за исключением вопроса о принуждении вдов выходить замуж¹²⁰. Однако через некоторое время началась великая смута, и мир стал таким, каким мы видим его сейчас.

Эти рассказы повествуют лишь о небольшой части того, что случилось со мной во время правления имама Шамиля — да освятит Аллах его душу.

А теперь вернемся к тому, с чего мы начали. Спустя некоторое время после моего прибытия к ним в Шуру¹²¹ я и мои товарищи, члены суда, нанесли визит Джорджадзе¹²², который вернулся из путешествия. Он поприветствовал меня, одарив похвалами, (л. 7а) и поблагодарил за визит. После этого мы провели с ним долгую беседу, в ходе которой он сказал: «Я принес четыре экземпляра Корана из области падишаха ислама. Если вы пожелаете, то я могу принести оттуда любую книгу».

Мои товарищи, однако, не придали этому особого значения, но его слова крепко засели у меня в памяти. Однажды я пошел к нему со своим братом по вере Хаджиали ал-Чухи¹²³ и сказал: «Если ты принесешь оттуда книги, то это будет отрадней для меня, чем половина казны падишаха». Джорджадзе ответил: «Напиши, какие книги ты желаешь, чтобы я привез». Я написал и отдал ему список книг.

Через два года он принес следующие книги: «Хашийат Шейхзаде 'ала ал-Кади»¹²⁴ в четырех томах, «„Шарх“ аз-Заркани к „ал-Мавахиб“»¹²⁵ в восьми томах, а также «ал-Мутаввал»¹²⁶. Когда же я захотел поблагодарить его, он сказал: «Я их привез не для того, чтобы получить от тебя благодарность и похвалу, а для того, чтобы ты наставлял людей на праведный путь и не прививал им ложные убеждения». Один из его приближенных добавил: «Не выноси фетву людям о том, что наше имущество¹²⁷ дозволено для них». Однако за меня ему ответил Джорджадзе, который сказал: «Так было,

когда между нами шла война, а сейчас мы вместе и этого не может быть».

Посмотрите на заботу и помощь, которой меня окружил Всевышний Аллах. Хвала Аллаху — Господу миров.

В один день Джорджадзе спросил: «Сохранились ли у тебя записи о событиях времен Шамиля?» Я ответил: «Да, они находятся у меня дома». — «Я хочу, чтобы ты принес их мне», — сказал он. Я ответил: «Но это те записи, которые были сделаны мною во время войны». — «Да, я знаю, ну и пусть», — ответил он. Тогда я их передал ему, и примерно через год он вернул мне их обратно. До этого момента я эти записи никому не давал для переписывания, боясь смуты.

Однажды я надел черную чалму, которую не надевал до этого, и отправился в ней в суд. Председатель суда, брат Меликова¹²⁸, пристально посмотрел на меня, но ничего не сказал¹²⁹. Если бы они вдруг выразили недовольство, я готов был сказать им: «Согласно нашей религии, кадий селения должен носить черную чалму. Вы же назначили меня кадием Дагестана, поэтому я решил ее надеть».

В другой раз Сараджев позвал нас к себе и передал некоторые вещи, сказав при этом, что это подарки от сардара¹³⁰. А мне вдобавок дал еще и золотые часы. Тогда я сказал: «Мне достаточно было и тех подарков, а часы не нужно мне дарить, так как их нельзя носить согласно нашей религии»¹³¹. На что он ответил: «Возьми часы на память, а носить их тебе не обязательно».

Мой товарищ Хаджи'али (л. 76) часто советовал мне, чтобы я носил одежду, в которой принято ходить служащим. Когда же я из подаренной ими формы сделал себе большую накидку, то Хаджи'али обратился к председателю суда Запороженко и сказал, что Мухаммадтахир сделал себе из той формы плащ (накидку), тем самым давая понять, что у него на сердце. Тогда Запороженко сказал: «Мы не смотрим на одеяния, а смотрим на деяния». С тех пор Хаджи'али перестал делать мне замечания.

Он также рассказывал, что однажды между высоким начальством зашел разговор обо мне, в ходе которого задались вопросом: «Кто этот человек, который работает в нашем суде

и не носит нашу форму?» Тогда Джорджадзе ответил: «Он был бы дервишем по всем четырем религиям, если бы не крашивал седину хной»¹³².

В другой раз Запороженко сказал мне: «Мы знаем, что некоторые из вас притворяются перед нами, но мы делаем вид, что не замечаем этого. И больше всех в этом преуспевают люди образованные среди вас. Ты же обращаешься с нами так, как будто мы твои братья по религии». Он также сказал, что падишах любит богобоязненных из числа мусульман, а не нечестивцев.

Однажды он обратился ко мне со словами: «Сколько всего мне бы хотелось тебе рассказать, если бы мы понимали язык друг друга».

В другой раз, когда они наградили меня серебряной медалью, я обратился к председателю суда: «Я желал бы вместо медали получить в подарок чалму». На что он ответил: «Не подобает так говорить, потому что эта награда была от падишаха по просьбе наместника. Но ты не обязан носить ее».

После этого, когда мне вручили золотую медаль, я пришил к своей чалме ленту от обеих медалей белого и черного цвета¹³³.

Мои товарищи (т.е. члены суда), за исключением председателя суда, выразили недовольство этим. И я был готов сказать им, что самое достойное из того, что мы (мусульмане) носим, — это чалма. И поэтому я прикрепил к ней ленту от медали, подаренной падишахом.

И если бы я повесил эту медаль себе на шею, то благочестивые мусульмане сказали бы: «Этот склонился в сторону религии христиан. И они склоняют всех тех, кто приближается к ним, на свою сторону».

Тем самым сердца мусульман отворачиваются от подчинения воле падишаха. И в угоду его политике я поступил именно так.

В другой раз до меня дошло, что известному шейху Абдурахману ас-Сугури¹³⁴ наибом был сделан запрет на общение и встречи с людьми. Тогда я пошел к Джорджадзе и сказал ему: «Я слышал о том, что Абдурахману ас-Сугури запрещено читать проповеди людям. Однако он не призывает людей

к чему-либо, наносящему ущерб падишаху. Если вы будете поступать подобным образом, то сердца людей, исповедующих ислам, будут отчуждаться от вас, и они невзлюбят политику падишаха».

Мои слова вызвали у него недовольство, и он спросил: «Встречался ли ты когда-нибудь с хаджием Абдурахманом?» Я ответил: «Я его не видел с тех пор, как Шамилю было нанесено поражение». Тогда он сказал: «Я донесу твою просьбу до Сараджева». И через некоторое время дела шейха Абдурахмана наладились по милости Всевышнего Аллаха.

Когда я решил вернуться домой в первый раз, то я попросил (л. 8а) дрожки¹³⁵. Я сказал: «Я хочу эти дрожки, даже если понадобится заплатить за них все жалованье, которое вы мне даете». Однако они не дали на это добро. Сейчас я предполагаю, что они думали, будто я хочу взять эти дрожки за счет казны. Однако мне они были крайне необходимы, так как я тяжело переносил дорожные тяготы и лишения по пути домой и обратно [в суд]. Когда я прощался со старшим, он сказал: «Мы надеемся, что Всевышний Аллах вернет тебя к нам вновь в полном здравии».

На обратном пути мой верный друг Хаджимухаммад ал-Унсукулуви¹³⁶ нанял мне дрожки за 20 рублей¹³⁷. И я почувствовал большое облегчение для своего тела. С тех пор, уезжая домой или возвращаясь обратно, я всегда нанимал дорожную телегу.

Осознав, что меня совсем не интересуют материальные блага, и увидев мое поведение, они проявляли ко мне почтение, и мой авторитет среди них возрос¹³⁸. Вплоть до того, что председатель суда не заставлял меня ставить свою печать на решениях, вынесенных по адату. А до этого, по их закону, полагалось ставить печати всех членов суда на всех решениях, вынесенных в суде как по шариату, так и по адату.

И когда я обратился к ним с просьбой позволить мне покинуть занимаемую должность, они попросили указать моего преемника. О чем будет сказано далее — хвала Аллаху, Господу миров.

По прошествии более четырех лет с того момента, как я работал у них, в 1290 г.х. (1873 г.) я написал письмо такого со-

держания: «Я уже стар, и силы покидают меня. И я прошу у вас разрешения остаться дома». На что в ответ от них пришло следующее: «Мы бы желали видеть тебя рядом с нами. Однако если ты хочешь остаться дома, то ты вправе поступить так, как пожелаешь. Мы просим тебя, чтобы ты указал нам того, кто бы смог заменить тебя на твоём месте здесь». Тогда я написал им, что таким человеком я вижу Газимухаммада ал-Бацади¹³⁹ или Абдулхалима ас-Сугури¹⁴⁰. Они выбрали Газимухаммада ал-Бацади.

Эти строки были написаны мною, чтобы каждый размышляющий и разумный, прочитав их, знал, что в основе благополучия и бараката лежит искренность в словах и делах по мере возможности, а также избегание лести и вероломства, алчности и властолюбия.

Не думай, что достоинство и почет являются плодами, которыми можно полакомиться, не испив прежде чашу горечи сполна.

Я же, перешагнув седьмой десяток жизни¹⁴¹, нахожусь в добром здравии и живу, довольствуясь землями моих отцов и теми благами, которыми одарил меня Всевышний из казны христианского государства. При этом я не прилагал для этого никаких усилий и не питал особых надежд и желаний.

Так передается: «Воистину счастлив тот, кто является мусульманином и, наделенный достаточным пропитанием, довольствуется этим». В книге «Ал-Хисн ал-Хасин»¹⁴² сказано: «О Аллах, сделай обильным мое пропитание на старости лет, когда жизнь моя подходит к концу».

Самой великой милостью, которой меня наделил Всевышний Аллах, (л. 8б) заставив меня произнести со знанием значения оба свидетельства о том, что нет божества, достойного поклонения, кроме Аллаха, и что Мухаммад является его посланником. Затем из числа великих благ, которыми Всевышний одарил меня, является то, что мое сердце никогда не уклонялось от религии ислама, соблазнившись подарками от них¹⁴³.

Хотя они окружали меня своим вниманием и заботой, и даже сейчас, в 1293 г.х. (1876 г.), правители этого времени относятся ко мне благожелательно и обращаются со мной как с самым дорогим для них человеком. Вплоть до того, что этим

мы выделяемся среди наших соплеменников, хотя и не проявляли особого усердия в службе и не старались добиться от них снисхождения. Вся хвала Всевышнему Аллаху, ведь все это мы получили лишь благодаря Его величайшей милости. Он пречист и вечен.

Затем в 1294 г. (1877 г.) из-за клеветников и лгунов из народа и милиции, утверждавших, что русское командование не располагает силами для поддержки гарнизона, располагавшегося в крепости Гуниб, поднялась согратлинская смута¹⁴⁴. Последствием этого явились великие и ужасные беды и испытания, выпавшие на долю видных людей этого края. Часть из них была повешена, другие были арестованы и высланы в Сибирь. Их семейства также были отправлены вслед за ними.

Некоторые люди начали поговаривать, будто бы и меня могут коснуться такие же беды и лишения. Мои друзья стали беспокоиться о моей участи, однако сам я пребывал в надежде на то, что все эти напасти обойдут меня стороной. Ведь до сих пор Всевышний Аллах уберегал меня от испытаний в моей религии и мирской жизни в это [смутное] время и одаривал бесчисленными явными и скрытыми благами.

Все же чувство беспокойства не покидало меня, потому что даже те, кто превосходил меня в знаниях и обладал большим благочестием и другими достоинствами, были подвергнуты лишениям. И начиная с месяца зуль-хиджа (ноябрь 1877 г.) беды эти усиливались и подступали ко мне, а людская молва и страхи близких преумножались, оттого что каждый день по добным мне высылали в Сибирь.

Так продолжалось до середины месяца сафар (февраль 1878 г.), пока не пришло известие о том, что падишах освобождает всех пленников. И на самом деле, часть из тех, кто был арестован и сослан, вернулись обратно на родину. И это также по милости Аллаха, который властвует над людскими сердцами и управляет всеми делами. И вся хвала Ему. И когда черный дым смуты рассеялся, воцарились мир и покой.

Дочь нашей дочери смогла избежать участи быть сосланной вслед за своим отцом Абу-Бакром лишь благодаря стараниям благословенного наиба Алихана ал-Авари¹⁴⁵. Да поможет ему Аллах и впредь в добрых делах.

(Л. 9а). Удивительно то, как Всевышний Аллах оберегает меня той заботой, которой Он окружил мою особу в эти смутные времена. Все это по милости и щедрости Его, без всякого с моей стороны участия в этом и несмотря на мою немощность.

Тебе вся хвала, мой Господь Всемиловитый, одаряющий нас всеми благами и прощающий нам.

У кого же искать прибежище верному рабу, если не у Господа своего, ведь Ты Господин всего сущего!

Если Ты помилуешь нас, то это свойственно Тебе, а если Ты прогонишь, то некому нас защитить.

Кружусь я перед дворцом Господина своего, надеясь, что он вскоре услышит мои молитвы и ответит мне.

Ты дал нам жизнь, и Ты забираешь наши души, и все превратится в прах, кроме Творца всего Сушего.

Так обрати ко мне свою милость¹⁴⁶ и дай мне умереть на пути Твоего любимого Пророка¹⁴⁶.

На этом все. И я живу надеждой на то, что Всевышний Аллах, подобно тому как одарил меня явными и скрытыми благами на этом свете, так же осчастливит меня в предсмертный час и в Судный день я не буду опозорен перед всеми за те грехи, что были совершены мною: «Как же страшен тот день, в котором, я надеюсь, Властелин будет справедлив по отношению ко мне».

Аллах, сокрой наши недостатки и огради нас от ужасов в обоих мирах. И все благое от Аллаха, Он Всемиловитый и Всепрощающий. Да благословит Аллах и приветствует господина нашего Мухаммада, весь его род и всех его сподвижников всякий раз, когда Ему будут возносить хвалу его послушники, а отступники будут пребывать в своем заблуждении. «Пречист твой Господь, Господь величия. Превыше Он того, что Ему приписывают!» (Коран 37:180).

Завершилось написание в месяце сафар ал-хайр 1295 г. (февраль 1878 г.)¹⁴⁷.

Далее на отдельном, вклеенном к л. 9а листке — приписка, сделанная сыном Мухаммадтахира ал-Карахи, Хабибуллахом.

Родился отец — да помилует его Всевышний Аллах — в 1224 г. (1809). Ушел из жизни в среду 22-го числа месяца зуль-хиджа 1297 г. (27 октября 1880 г.), на восходе солнца. Ему было 73 года. Да соберет его Всевышний Аллах вместе с теми, кого он любил, в раю! Амин! Удивительно то, как отец был почитаем всеми. Даже наибы наместника Мамалав¹⁴⁸ и Закарйя¹⁴⁹, а также старшина Хонколав ат-Телетли¹⁵⁰ передавали ему приветствие. А Мамалав просил также прочесть за него *ду'а*. Хотя никогда не видел моего отца.

(Л. 9б). Будучи смертельно больным, отец обратился ко мне со словами: «Я был диван-бегом в Шуре возле начальства против моей воли, и я не пошел к ним работать ради их жалованья. До того как отправиться к ним, на руках у меня было 30 туманов серебром¹⁵¹. После моей смерти подели их между тобой и сестрами». И затем повелел еще при жизни отделить указанную сумму от остальных денег.

Также он сказал: «Оставшуюся сумму израсходуй на общее благо. Я ведь не знаю, являются ли эти деньги дозволенными, так как я получил их за то, что находился рядом с ними, и не знаю также, являются ли они недозволенными, ведь я не исполнял эту работу по собственной воле».

Я поступил так, как повелел отец, и я не знаю, каким было количество оставшейся части денег, знаю только то, что сумма была большая».

Примечания

¹ Этико-моралистическое сочинение известного дагестанского ученого Абу-Бакра ал-‘Аймаки (1711–1791), в котором автор приводит также краткие сведения из своей биографии. См. [Гизбулаев, 2005].

² «Ал-Минан ал-Кубра» (المنن الكبرى) — сочинение известного мусульманского ученого-богослова, суфия, имама аш-Ша’рани.

³ Это устойчивое выражение некоторые исследователи переводят иначе: «Нет силы для совершения благих деяний и оставления плохих, кроме как от Аллаха, великого и мудрого».

⁴ Здесь и далее аяты Корана приводятся в переводе М.-Н.О. Османова [Коран, 1999].

⁵ О стремлении к справедливости Мухаммадтахира ал-Карахи свидетельствует сообщение Абдурахмана ал-Газигумуки: «В селениях общины Карах — суфий Мухаммадтахир из Цудла, самый безупречный из наших ученых по части знаний и деяний, самый набожный, самый богобо-

язненный, самый далекий от взятки, самый справедливый в решениях, за что его очень любил Шамиль». См. [Абдурахман из Газикумуха, 1997, с. 80].

⁶ Единственный сын по традиции должен был помогать семье в хозяйственной деятельности, и соответственно, у него не было бы возможности заниматься наукой.

⁷ Здесь речь идет о пользовавшемся успехом в Дагестане комментарии известного мусульманского поэта и ученого Абдурахмана ал-Джами (1414–1492) на сочинение по грамматике арабского языка «Ал-Кафия» Ибн ал-Хаджиба под названием «Ал-Фаваид ад-Дийаийа». См. [Мусаев, 2008, с. 242; Гаджиева, 2011, с. 130–134].

⁸ Хаджжи-Дибир ал-Хунуки (Гунух — селение, ныне в пределах Чародинского р-на РД) — известный знаток арабского языка и мусульманского права. Был широко известен как преподаватель медресе. Его учениками помимо Мухаммадтахира ал-Карахи были такие известные ученые, как Муртаза'али ал-Уради и Гасан Алкадари. См. [Назир ад-Дургели, 2012, с. 94].

Есть сведения о том, что Хаджжи-Дибир принимал активное участие в освободительном движении горцев, участвовал в сражении 1837 г. в Ашильте, а также более поздних битвах. Место захоронения неизвестно. См. [МухАмаднабиев, 2010, с. 133].

⁹ Мухаммад ал-Йараги (ум. в 1838 г.) — шейх накшбандийского тариката, наставник имамов Газимухаммада и Шамиля, один из главных идеологов Кавказской войны. См. [Назир ад-Дургели, 2012, с. 80].

¹⁰ В тексте: *سالك* — *салик*. Данное слово можно также перевести как «мюрид, праведник».

¹¹ Имеется в виду хадж.

¹² Ницовкра — селение, ныне в пределах Лакского р-на РД.

¹³ Джамалуддин ал-Газигумуки (ум. в 1866 г.) — шейх накшбандийского тариката, духовный наставник и тесть имама Шамиля. См. [Назир ад-Дургели, 2012, с. 101].

¹⁴ О нем нет сведений.

¹⁵ С 13 июня по 22 августа 1839 г.

¹⁶ Здесь речь идет о 1840 г., когда вследствие сильной засухи и неурожаев в Дагестане повсеместно свирепствовал голод.

¹⁷ В прошлом один из крупных торговых центров Дагестана. Ныне селение в Левашинском районе РД.

¹⁸ Назир ад-Дургели пишет о нем: «У Мухаммадтахира был сын по имени ал-Хаджж Хабибаллах (Хабибулла), он был способным ученым, хорошо сведущим в науках, он скончался в 1339 г. (1921 г.), в конце месяца джумада-л-ула, в конце раката послеполюденной молитвы, при последнем ракате при последнем поклоне, — милость Аллаха над ним. У Хабибаллаха был сын Абу-Бакр (Абубакар), который, как и отец, был достойным ученым. Скончался он, как и отец, в 1339 г. — да будет милость Аллаха над ними» [Назир ад-Дургели, 2012, с. 118–119].

¹⁹ После падения Ахульго (1839 г.) имам Шамиль перекочевал вместе со своими сторонниками в пределы Чечни.

²⁰ Абдуррахман ал-Хучуви (Гочоб — одно из селений общества Карах, ныне в Чародинском р-не РД); Абдуррахман из Караха — известный ученый, один из ближайших сподвижников имама Шамиля. Принимал активное участие в народно-освободительном движении горцев. В 1847 г. был освобожден от должности наиба (скорее всего, вследствие преклонного возраста). В дальнейшем занимался преподавательской деятельностью, был муфтием и мухтасибом (в полномочия мухтасиба входили: контроль за деятельностью должностных лиц имамата, наблюдение за строгим следованием населения нормам шариата и др.) в Карахском наибстве. См. [Дадаев, 2009, с. 130–132].

²¹ Тлярш — одно из селений общества Карах, ныне в Чародинском р-не РД.

²² Нурмухаммад ал-Хунухи — сын Умарил Мухаммада из с. Гунух (ныне в Чародинском р-не РД). Являлся наибом Караха в 1847–1852 гг. После неудачного похода в Южный Дагестан был смещен с должности [Дадаев, 2009, с. 265–266].

На его надмогильной плите указан год его смерти — 1282 (1859) г., хотя Шуайб ал-Багини пишет в своем сочинении «Табакат ал-Хваджакан ан-накшбандийа ва садат маша'их ал-Халидийа ал-Махмудийа» («Поклонения накшбандийских наставников и шейхов братства Халидийа-Махмудийа»), что он умер в 1302 (1884) г. Был с Шамилем до последнего сражения. После взятия Гуниба и падения имамата несколько месяцев находился под арестом в одном из сел Темир-хан-шуринского округа, но потом был освобожден. Вскоре умер, похоронен в родном селении. Его могила находится рядом с могилами отца — Умарил Мухаммада и двоюродного брата — Хаджиява б. Дибир-хаджи. См. [Мухаммаднабиев, 2010, с. 141, 143]. Его отец Умарил Мухаммад был одним из известных алимов. Родился в 1240 г.х./1783 — дата рождения указана на могильной плите, точная дата смерти неизвестна. См. [Мухаммаднабиев, 2010, с. 131].

В материалах посемейных списков 1886 г. зафиксированы двое сыновей Нурмухаммада: Газимухаммад и Мухаммад (1841 и 1853 г.р.), также являвшиеся образованными людьми.

²³ О нем нет сведений.

²⁴ Телетль — селение, ныне в пределах Шамильского р-на РД.

²⁵ Кебедмухаммад ат-Тилитли, т.е. из с. Телетль, — наиб и мудир имамата. Будучи крупным общественно-политическим деятелем, сыграл важную роль в народно-освободительном движении горцев.

²⁶ Здесь надо отметить, что имам Шамиль в 1844 г. отправил воззвание ко всем кадиям Дагестана, в котором требовал от них придерживаться определенных правил: «Привет вам, и милосердие Всевышнего Бога и Его благоденствия всем братьям алимам и их обществам. А затем. На-

стоящее есть совет, полезный кадиям и другим лицам. Кадий не должен принимать подарки от граждан своего вилайата. Должен отказываться от угощений. Не должен нанимать работников без полного согласия нанимаемого. Должен неотлучно жить в том селении, где является кадием. Отлучаться имеет право только по уважительной причине, но не больше чем на одну неделю.

Не имеет права брать для себя ничего из заката. Обязан вместе с джамаатом совершать пять намазов. Следить, чтобы в мечети не велись светские разговоры, следить, чтобы во время призыва на молитву люди молчали и слушали призывающего. Следить, чтобы взрослая часть населения изучала и совершала все обряды (предписанные религией). Запрещать людям совершать преступления. Не давать без дела слоняться и сидеть подолгу в доме покойника. Следить, чтобы жители одного селения не ходили по обычаю в другие села с подарками и продуктами для приношений. Запрещать родственникам покойного принимать принесенные подарки. Следить, чтобы в дом покойника ходили без всяких приношений. Кадий должен строго карать тех, кто не исполняет вышеуказанные повеления.

Кадий обязан назначать справедливого опекуна для ведения хозяйства сироты. Арендовать недвижимое имущество по установившимся в местности ценам. Следить, чтобы не продали имущество сироты без пользы для него. В противном случае купля и продажа недействительна, а стоимость возложить на ближайшего родственника сироты.

Кадий также обязан сдавать вакуфные земли в аренду по установившимся ко времени сдачи ценам. Должен следить, чтобы вовремя выполнялось и совершалось обрезание.

Если кто из жителей совершит кражу в сумме, превышающую 50 коп., то кадий должен преступника отправить к наibu для отбывания тюремного наказания.

Тюрьма должна быть отремонтирована, оборудована, укреплена, чтобы никто не мог сбежать оттуда.

Если разведенная женщина или вдова решила выйти замуж, кадий может заключить брак лишь после того, как она трехкратно подтвердит, что она разведена с прежним мужем, и после истечения определенного времени со времени развода или смерти мужа.

Игнорирование этих правил, как мы видели, влечет за собой бесконечные злодеяния.

Кадий должен обучать людей правильному произношению слов Корана. Произносить ежедневно проповеди, следить, чтобы жители чистили зубы, носили чалму размером три-четыре локтя, соответственно своему благосостоянию.

Кадий обязан обучать людей, чтобы они не входили в чужие дома без приглашения, а когда войдут, чтобы обязательно здоровались с хозяевами дома.

Запрещается хождение по селению после пятого намаза. Кадий не имеет права выносить приговор без предварительного изучения дела. Приговор должен выноситься, основываясь на нормах шарията.

Кадии обязаны с оружием в руках участвовать в сражениях, молиться во время отдыха, а во время похода читать молитвы громко». См. [Народно-освободительная борьба, 2005, с. 500–501].

Вопросам назначения кадиев и их обязанностей Абдурахман ал-Газигумуки посвятил в своей работе отдельную главу [Абдурахман ал-Газигумуки, 2002, с. 89–91].

²⁷ Данийал-бек (Данийал-Султан) Илусуйский — последний владетель Илусуйского султаната, генерал-майор русской службы. С 1844 г. — наиб и мудир Шамиля. Являлся одним из ближайших соратников имама, тестем его сына Газимухаммада.

²⁸ Как сообщает Абдурахман ал-Газигумуки, «в распоряжении муфтия находится несколько кадиев, которые обращаются к нему по трудным вопросам, а тот отвечает в силу знаний и умений. В каждом наибстве обычно один муфтий; его местонахождение — в том же селении, где находится наиб. А кадии живут в каждом отдельном селении, к ним обращаются при разборе различных тяжб. Жители селения имеют право непосредственно обращаться к муфтию, если не согласны с решением кадия. Кадий и муфтий должны разрешать дела тяжущихся только справедливо и верно» [Абдурахман из Газигумуха, 1997, с. 86].

²⁹ Надо полагать, что для исполнения обязанностей муфтия Караха было удобнее проживать в с. Цулда в силу его удобного географического расположения в центре названного выше общества.

³⁰ В тексте: **قَلَنْب**.

³¹ О трудностях при строительстве крепостей в имамате упоминается в рапорте управляющего джаро-белоканским военным округом полковника Г.Д. Орбелиани начальнику Главного штаба Отдельного кавказского корпуса генерал-лейтенанту В.И. Гурко «Об обстановке в Южном Дагестане»: «...Кейсерухцы весьма встревожены, весьма недовольны существующею у них властью и ждут только пришествия русского отряда и первого нашего успеха, чтобы оставить Даниель-бека. Это покажется правдоподобным тому, кто знает, как тяжела для них власть Даниель-бека и сколько они в последнее время для исполнения его видов принесли жертвований, особенно при постройке крепости: женщины таскали на спинах камень, тяжести, и от этого в продолжение лета до 200 женщин выкинуло» [РГВИА, ф. 846, оп. 16, л. 6597, л. 15–16. Копия].

³² Хаджияв б. Хаджжи-Дибир — уроженец с. Гунух, наиб Караха в 1852–1859 гг. Он сменил на этом посту своего двоюродного брата Нурмухаммада ал-Хунухи [МухАмаднабиев, 2010, с. 138]. Он приходился сыном вышеупомянутому Хаджжи-Дибиру ал-Хунухи, учителю Мухаммадтахира ал-Карахи. В тексте в дальнейшем он упоминается как Хаджияв ал-Карахи.

Абдурахман ал-Газигумуки приводит интересные сведения о нем: «Карахцами управлял Нурмухаммад из Караха, потомок известных улемов и набожных людей. После его смерти там назначили его родственника Хаджийава, сына Дибирхаджиява; кроткого, щедрого и мягкой души человека. Его верность и ученость пленяли имама. Хаджийав был исключительно честным человеком: доказательством этому служит следующее обстоятельство. Однажды казначей имама Хаджийав из Орота передал ему на хранение золотые монеты с условием оставить у себя, пока не потребует обратно. При переходе в Гуниб казначей оставался с сокровищами Шамиля в Карахской земле. Жители Караха и Куяды при переходе завладели частью этих сокровищ. После взятия Гуниба и когда Шамиля с семьей отправили в Темир-Хан-Шуру, казначей потребовал у карахского Хаджийава те 500 золотых монет, и тот вернул их. Впоследствии казначей клялся, что мешок, в котором были деньги, оставался совершенно нетронутым; видно было, что Хаджийав не заглядывал туда» [Абдурахман из Газикумуха, 1997, с. 66].

³³ Закят (закат) — обязательное для мусульман пожертвование в пользу неимущих слоев населения.

³⁴ У многих мусульманских народов термин *низам* означает «закон, порядок, дисциплина, система».

³⁵ Назир из Дургели сообщает, что Шу‘айб ал-‘Ури был известным ученым (Уриб — селение в пределах нынешнего Шамильского р-на РД) [Назир ад-Дургели, 2012, с. 69].

³⁶ Термин *мухаджир* дословно обозначает «переселенец». В данном случае, применительно к имамату Шамиля, мухаджирами называли тех, кто покинул место своего жительства ради участия в джихаде, переселившись на территорию имамата.

³⁷ В тексте: «ولو طريقًا» — «хотя бы одной тропинки».

³⁸ По свидетельству пристава имама Шамиля А. Руновского: «Денежный штраф учрежден Шамилем около десяти лет назад, в 1851–1852 гг. Он обыкновенно сопровождался тюремным заключением и рассчитывался не днями, а ночами, полагая за каждую ночь, проведенную в тюрьме, то есть в яме, по двадцать копеек серебром. Впрочем, расчет этот был делом исключения, о котором будет сказано ниже; норма же, установленная Шамилем, назначена три месяца за каждое из трех преступлений, подлежащих денежному штрафу. Денежные штрафы определялись *наибами*» [Руновский, 1862а, с. 330].

³⁹ Проповедь, которую обычно читают перед совершением пятничной (джума) молитвы.

⁴⁰ Шариат предусматривает определенные условия выбора возглавляющего коллективную молитву.

⁴¹ Речь идет о сочинении по мусульманскому праву Ахмада ибн Хаджара ал-Хайтами (1504–1567) «Тухфат ал-Мухтадж», являющемся комментарием на «Минхадж ат-Талибин» имама ан-Навави. Оно было чрез-

вычайно популярно в Дагестане и получило название по имени автора. Мухаммадтахир ал-Карахи имеет в виду, что, ссылаясь при вынесении решений на наиболее известного и авторитетного ученого и правоведа шафиитского мазхаба Ибн Хаджара ал-Хайтами, некоторые ученые хотели показать высокий уровень своих знаний.

⁴² То есть знают, как следует поступить по шариату в конкретном вопросе.

⁴³ В тексте: إجماع — *иджма́*. Согласие, единодушное мнение или решение авторитетных лиц по обсуждаемому вопросу. Один из источников мусульманского права — фикха.

⁴⁴ В тексте: رئيس — *раис*. Глава, руководитель, предводитель.

⁴⁵ То есть вопрос о применении наказания к дезертирам.

⁴⁶ Во время переселения Мухаммадтахира к Шамилю столица имама (с 28 июня 1845 г.) была в Ведено. Дарго служил резиденцией Шамиля после разгрома Ахульго, т.е. с 1840 по июнь 1845 г. После взятия М.С. Воронцовым сожженного горцами аула Дарго Шамиль, купив у местных жителей землю близ аула Ведено (Веден), перенес туда свою резиденцию, назвав ее по-аварски «Цияб Дарго», т.е. Новое Дарго. По словам Абдуррахмана, зятя Шамиля, «этим он хотел показать, что если русские взяли одно Дарго, то у него есть много других». В русских источниках для обозначения новой резиденции имама использовался утвердившийся на картах топоним Ведено, а авторы дагестанских исторических сочинений (например, Абдуррахман ал-Газигумуки) именовали столицу «Дарго» (см. [Абдурахман, ал-Газигумуки, 2002, с. 146; Абдурахман из Газикумуха, 1997, с. 192; Генко, 1933, с. 26]).

⁴⁷ Тинамухаммад ал-Цулди — известный алим, отец упоминающегося ниже Абдуллаха ал-Цулди.

⁴⁸ В тексте: حجيرو الكني. Нисба указывает на его происхождение из с. Гуни, ныне в Казбековском р-не РД.

⁴⁹ В тексте: احمد بن نورو الثغوري. Нисба указывает на его происхождение из с. Согратль, ныне в Гунибском р-не РД.

⁵⁰ В тексте: شمس الدين الهجري. Нисба указывает на его происхождение из с. Гачада, ныне в Чародинском р-не РД.

⁵¹ Али Каяев приводит о нем следующие сведения: «Абдуллах — уроженец чародинского селения Цулда. Был известным ученым-геологом. До восстания был членом окружного суда (либо кадием) в Гунибе. Узнав о восстании в Согратле, он, бросив исполнять свои служебные обязанности, прибыл к имаму в Анаду. Имам принял его с большим почетом, назначил его мударом и, наделив его большими полномочиями, отправил с войском в Цумаду. Абдуллах, чтобы исполнить поручение имама и оправдать его доверие, сделал все возможное, что было в его силах. Но добиться успеха не смог. После подавления восстания он был схвачен царскими властями и в числе главных предводителей восстания

приговорен к смертной казни через повешение». См. [Али Каяев, 2013–2014; Мусаев, 2012, с. 143–147].

Назир ад-Дургели пишет, что «кади Абдуллах ал-Цулди был крупным ученым, некоторое время был главным кади в области Хубук (искаженное от Хубитль. — *Авт.*)» [Назир ад-Дургели, 2012, с. 69]. Согласно Кавказскому календарю на 1877 г., обязанности кадия Гунибского окружного суда исполнял Абдулла Гитино-Магома-оглы.

⁵² Известный в Западном Дагестане ученый-богослов. Принимал участие в восстании 1877 г., за что был подвергнут ссылке. Абубакр был зятем Мухаммадтахира ал-Карахи.

⁵³ Данный абзац в автографе сочинения представлен в виде вставки к тексту в конце страницы.

⁵⁴ مغني اللبيب. — трактат по грамматике арабского языка известного средневекового филолога и историка Ибн Хишама.

⁵⁵ В тексте: شبهة. — *шубха*. Нечто сомнительное по происхождению, полученное незаконным путем.

⁵⁶ В тексте: نذر — *назр* (обет). Под этим термином в мусульманском праве следует понимать любое отчуждение собственности по желанию или же завещанию собственника. В Дагестане на протяжении долгого времени шла интенсивная полемика по вопросам назра. Особенную известность получил диспут между Мухаммадтахиром ал-Карахи и Хаджиали ал-Акуши. Краткие выдержки из их полемики были переведены на русский язык и опубликованы еще в 1871 г. См. [Полемика дагестанских ученых, 1871, с. 3–40].

⁵⁷ Молитва, обращенная к Аллаху. Во время молитвы мусульманин может просить помощи у Аллаха в каком-то деле или просить его о том, чтобы он отвел какую-то беду

⁵⁸ Раджабил Мухаммад ал-Чиркави (1805–1859) из с. Чиркей. (ныне в Буйнакском р-не РД). Один из ближайших соратников имама Шамиля. Постоянный член Диван-хана в 1840–1859 гг. Погиб, защищая Ведено в 1859 г.

⁵⁹ По свидетельству Абдурахмана ал-Газигумуки, «в комнату имама имели доступ весьма немногие: сыновья его, казначей Хаджио (чаще других), секретарь Амир-Хан, я, раб божий Абдурахман, и еще некоторые очень близкие к нему люди. Все прочие посетители — кто бы они ни были и по каким бы надобностям ни являлись — были принимаемы в особой, назначенной для гостей комнате». См. [Руновский, 1862б, с. 2].

⁶⁰ Об отказе Мухаммадтахира пользоваться средствами из казны пишет Абдурахман ал-Газигумуки: «Исключительная его набожность проявлялась в том, что он не принимал даже того, что выделял ему имам из казны (*байт ал-мала*) [Абдурахман из Газигумуха, 1997, с. 81].

⁶¹ То есть когда работал над известным сочинением «Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах».

⁶² Здесь речь идет об известных пленниках имама — представителях знатных грузинских фамилий Чавчавадзе и Орбелиани (июль, 1854 г. — март, 1885 г.) [Вердеревский, 1856].

⁶³ Имена соратников Шамиля приведены в виде приписки к тексту сбоку. Под упомянутым Амирханом, скорее всего, подразумевается Амирхан из Чиркея, который на протяжении двух десятилетий был сначала кадием столицы имамата Дарго, а затем секретарем и хранителем печати имама.

⁶⁴ Надо полагать, речь идет о Муртаза'али, о котором упоминал Иманмухаммад Гигатлинский: «Тогда переселились к Шамилю около сорока мужей из числа чиркеевских храбрецов, причем вместе со своими домочадцами, например: Амирхан — ученый, который следовал правильному пути; его ученик Раджабил Мухаммад, а также брат последнего, которого звали Испаги; [акушинец по происхождению]; Муртазаали, носивший прозвище Митльрик (Микьрик), а также его брат, которого звали Мухаммадали. Среди таковых чиркеевцев были также Багил Иса, Пурмухаммад, Адаил Али, Хоццо-Мухаммад, Алимаммад и другие лица. Все они построили себе жилища рядом с имамом Шамилем и оказались таким образом под воздействием его воспитания». См. [Хроника Иманмухаммада Гигатлинского, 2010, с. 123–124].

⁶⁵ В тексте: *حجيو الغاراني*. Хаджияв из с. Каранай (ныне в Буйнакском р-не РД) — кадий столицы имамата Дарго. По сообщению Абдурахмана ал-Газигумуки: «В нашем селении Дарго кадием был ученый-законовед (факих), родственник имама, Хаджиявдибир из Гарани. Имам не назначил там муфтия, как в других округах (вилаят), так как Дарго был самостоятельным селением и нужды в муфтии не было, [оно] обходилось без муфтия. Когда [этот кадий] умер, ученый Амирхан из Чиркея (ал-Чиркави), ученик Хаджиявдибира, вступил в должность кадия» [Абдурахман из Газигумуха, 1997, с. 87].

⁶⁶ Шайхил Абдулла — мюрид имама Шамиля, сын Шайха сына Абдуллы Чехкудиява из Чиркея, который вместе с Амирханом из Чиркея участвовал в 1842 г. в дипломатической миссии к турецкому султану; из Тамбула отправился в хадж и умер на обратном пути [Хроника Мухаммеда ал-Карахи, 1941, с. 151–152].

«Сын Шайиха, молодой Абдулла находился в составе самых способных мюридов имама, которые выполняли ответственные и высокие поручения имама» [Чиркей, 2014].

⁶⁷ Главное селение одноименного общества в Западном Дагестане.

⁶⁸ Скорее всего, здесь речь идет об ученых, о которых сообщает Абдурахман ал-Газигумуки: «...Из этого селения (т.е. Хелетури — ныне селение в Ботлихском р-не РД) происходит выдающийся ученый, наиболее по имени Шамхалдибир, до наместничества — учитель Газимухаммада» [Абдурахман из Газигумуха, 2002, с. 126]. Про второго наставника Газимухаммада он пишет следующее: «Из известных [ученых] был в селении

Муни большой учитель сына имама Газимухаммада — Абдуссалам» [там же, с. 79].

⁶⁹ В тексте: فاتشاہ — *фатишах*.

⁷⁰ Муртаза'али ат-Гилитли — брат известного наиба и мудира Шамиля Кебедмухаммада из с. Телетль. Был казнен за участие в восстании 1877 г. Али Каяев сообщает о нем следующее: «Муртаза-Али — уроженец селения Телетль. Брат известного наиба и мудира имама Шамиля Кибит-Мухаммеда. Во времена войн Шамиля, подобно брату, был назначен наибом. В самом конце войны оба брата перешли на сторону царских войск.

После пленения имама царские власти пожаловали Муртаза-Али чин прапорщика и назначили наибом. Кибит-Мухаммеду царские власти определили пенсию в размере шестисот рублей в год. Но и после этого оба брата не были верны царским властям.

Кибит-Мухаммед оказался замешанным в восстании в Закаталах, которое возглавлял Муртаза-хаджи. До восстания посланцы Муртаза-хаджи устраивали тайные встречи и собрания в доме Кибит-Мухаммеда. Последний оказывал им посильное содействие и помощь. С началом восстания 1877 г. Муртаза-Али демонстративно, перед народом сорвал с плеч погоны и растоптал их. Присоединившись к повстанцам, стал одним из предводителей восстания. Прибыв к имаму в Анаду, стал его советником. От имени имама осуществлял управление делами восставших.

После подавления восстания попал в плен и был приговорен к смертной казни через повешение» (см. [Али Каяев, 2013–2014; Мусаев, 2012, с. 143–147]).

⁷¹ В тексте: نزروف — Назаруф. Здесь автор допускает неточность, сказав фамилию военного начальника Среднего Дагестана генерал-майора И.Д. Лазарева.

⁷² Хубитль — так ныне называется селение Гуниб, являющееся центром одноименного района РД. В XIX — первой половине XX в. местные жители в разговорной речи отличали с. Гуниб, которое расположено на горе Гуниб (ныне там развалины «Верхнего Гуниба»), и с. Хубитль, которое ныне называется Гуниб.

⁷³ В тексте: قروش — куруш. Автор использует местные наименования, которые употреблялись в Дагестане для обозначения рубля.

⁷⁴ Возможно, именно об этом списке сочинения «Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах» А.Р. Шихсаидов упоминает как о подаренном генералом Лазаревым известному кавказоведу, председателю Кавказской археографической комиссии А.П. Берже [Шихсаидов, 2010, с. 28].

⁷⁵ В тексте: فتنة مرثوز — *фитна Мартуз*. Речь идет о восстании в Закатальском округе в 1863 г. под руководством Хаджи Муртуза (см. [По поводу восстания, 1886, с. 583–592; Фадеев, 1889, с. 79–124; Доного, 2005, с. 285–289]).

⁷⁶ Здесь под словом «диван-бег» Мухаммадтахир ал-Карахи имел в виду кадия Гунибского окружного суда.

⁷⁷ В тексте: *علا الكيني*. Нисба указывает на его происхождение из селения Хинуб, входившего в общество Карах, ныне в Чародинском районе РД.

⁷⁸ Скорее всего, речь идет о штабс-капитане Магомед-Мирзе Магомед-али-оглы, занимавшем должность Тилитль-Гидатлинского наиба во второй половине 1860-х годов.

⁷⁹ Ратал (ратль; авар. раль) — мера веса, использовавшаяся в Нагорном Дагестане, равная 2,4 кг [Материалы по метрологии, 1974, с. 175].

⁸⁰ Муртаза'али ал-Уради (ум. в 1865 г.) — крупный дагестанский ученый-теолог, прекрасный знаток мусульманского права. Долгое время работал верховным кадием в имамате Шамиля. В 1862–1865 гг. занимал должность кадия Дагестанского народного суда.

⁸¹ То есть кадием Дагестанского народного суда.

⁸² В тексте: *كارملىن* — Кармалин. Генерал-майор Н.Н. Кармалин — начальник Среднего Дагестана в 1863–1869 гг.

⁸³ В тексте: *ملىكوف* — Миликуф. Генерал-адъютант, князь Л.И. Меликов — военный начальник Дагестанской области (1860–1880), член Государственного совета (1882).

⁸⁴ Согласно сведениям Кавказских календарей, Мухаммадтахир ал-Карахи приступил к исполнению обязанностей кадия Дагестанского народного суда в 1869 г. и ушел с должности в 1874 г. Это подтверждается и тем, что в дальнейшем сам Мухаммадтахир пишет, что попросил отставку по истечении более четырех лет.

⁸⁵ Очистительная присяга — один из видов судебных доказательств по дагестанским адатам. При отсутствии признания и свидетельских показаний для снятия обвинения призывалось определенное число соприсяжников, которые приносили присягу, подтверждающую невиновность обвиняемого.

⁸⁶ В тексте: *فمشنىك* — *фумушник*. Здесь подразумевается помощник начальника Дагестанской области, который одновременно являлся начальником Дагестанского областного суда.

⁸⁷ Автор дает здесь небольшое пояснение для читателя: «Обрати внимание на два письма, которые даются в конце этой книги, чтобы ты увидел и понял, как мы изучали каждый вопрос и искали на него ответ. И подумай еще раз над словами, что трудности не должны быть оправданием для отступления от того, что в [твоих] силах. И что невозможность постичь что-либо в полной мере не является поводом для того, чтобы совершенно отказаться от этого. И ищи истину, как бы тяжело ни было, и не проявляй халатность в предписаниях Всевышнего Аллаха». Упомянутые два письма от местных кадиев, адресованные членам суда и председателю суда К.И. Меликову, ал-Карахи приводит в конце автографа сочинения. В настоящей книге эти письма не публикуются.

⁸⁸ Мухаммад б. Ибрахим ал-Хучуви из с. Гочоб, ныне в Чародинском р-не РД. Назир ал-Дургели называет его «способным, талантливым, большим ученым», у которого учился наставник Мухаммадтахира ал-Карахи Хаджи-Дибир ал-Хунузи [Назир ал-Дургели, 2012, с. 68].

⁸⁹ В тексте: *فاتشاه الاسلام* — *фатишах ал-ислам*. Подразумевается турецкий султан.

⁹⁰ Речь идет о занимавшем более 30 лет должность акушинского кадия Хаджил Али ал-Акуши. В опубликованной в 1871 г. в пятом томе ССКГ полемики по назру между ним и Мухаммадтахиром ал-Карахи вместо предисловия приводятся подробные сведения о причинах ее возникновения, об отношении имама Шамиля к проблеме назра и т.д. [Полемика дагестанских ученых, 1871, с. 1–4].

⁹¹ В тексте: *زفرشينك* — Зафуршинко. Искажение. Скорее всего, речь идет о младшем помощнике начальника Северного Дагестана капитане П.Е. Запорожченко.

⁹² В тексте имеется примечание: «Уже покойным».

⁹³ В тексте: *لمجيبى كبير و نحوه* — «по прибытии больших лиц». Вероятнее всего, здесь речь идет о стандартных проверках вышестоящего руководства. Но следует отметить, что в 1871 г. Дагестан посетили император и наследник престола, и, возможно, именно их ал-Карахи мог подразумевать под «высоким начальством».

⁹⁴ В тексте: *مغالوف* — Мугалуф. Коллежский ассессор, князь Г.И. Магалов — председатель Дагестанского народного суда,

⁹⁵ В тексте: *ينارال الكبير* — *йнарал ал-кабир*.

⁹⁶ Здесь имеется в виду свидетельство о том, что нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад его пророк.

⁹⁷ В тексте: *عدالة* — *адалат*. Этот термин одновременно означает благонравный характер, трезвость ума и дееспособность, что является основными условиями, предъявляемыми при заключении какой-либо сделки в мусульманском праве.

⁹⁸ Это устойчивое выражение, в котором термин *الاسترجاع* (*истирджа*) является цитатой из Корана (2. 156). Главным образом используется мусульманами для выражения соболезнования родственникам покойного.

⁹⁹ В тексте: *استرسلسى* — Истарсилский. Д.С. Старосельский — генерал-лейтенант, начальник Горского управления. Под его руководством проходила работа по кодификации сборников адатов народов Северного Кавказа.

¹⁰⁰ В тексте: *سراجوف* — Сираджуф. В.Г. Сараджев — действительный статский советник, в 1860–1864 гг. занимал должность председателя Дагестанского народного суда. После этого долгое время был правителем канцелярии начальника Дагестанской области.

¹⁰¹ Автор называет П.Е. Запорожченко «председатель», хотя после пребывания в должности младшего помощника начальника Северного Дагестана П.Е. Запорожченко с 1871 по 1877 г. работал начальником

Кайтаго-Табасаранского округа. Возможно, это связано с тем, что начальники округов одновременно исполняли обязанности председателей окружных судов. А председателями Дагестанского народного суда в период работы там Мухаммадтахира ал-Карахи были сначала Г.И. Магалов, а затем, в 1869–1871 гг., К.И. Меликов. В 1872 г. председателем был есаул Г.А. Подхалозин. Кавказские календари с 1872 по 1875 г. вовсе не содержат сведений о председателе Дагестанского народного суда. Вероятнее всего, в это время его функции исполнял правитель канцелярии начальника Дагестанской области В.Г. Сараджев.

¹⁰² По изданным начальником Дагестанской области Л.И. Меликовым временным правилам для горских окружных судов, устанавливалось, что «разбор по шариату производится исключительно кадием, но не иначе как в присутствии суда, председатель и члены которого могут способствовать своими замечаниями и вопросами к разъяснению дела; по выполнении установленных шариатом правил кадий пишет и произносит решение с объяснением в нем постановления, на котором оно основано. В случае несогласия депутатов с решением кадия председатель суда представляет дело со своим заключением на усмотрение Командующего войсками, от которого зависит либо поручить Дагестанскому народному суду рассмотреть дело, либо, в случае несогласия с решением этого суда, представить дело на усмотрение Главнокомандующего Кавказской армии (ныне Наместника)» (см. [Рейнке, 1912, с. 58]).

¹⁰³ Антасул Умар — уроженец с. Гачада, потомственный алим (его отец Антав, а также его отец Ибрахим и отец последнего — Халил были известны как образованные люди). В судебных документах 1890-х годов упоминается как «Омар, умерший во времена Шамиля» (см. [Нурмагомедов, 2007, с. 190]). У него был брат Абдулкадир, который рано умер, еще при живом отце — Антаве, а также сыновья Хаджимуса и Мухаммад, которые судились в 1894 г. с сыновьями умершего ранее Абдулкадира — Антавом и Абдулкадиром (см. [ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 6. Л. 1–12]).

¹⁰⁴ Бегасул Али — уроженец с. Ках (селение заброшено, жители переселились в с. Чарада в Чародинском р-не РД). В материалах посемейных списков 1886 г. упоминается как Али сын Бегава 1834 г.р., а его отец — как Бегав, сын Бегава 1795 г.р.

¹⁰⁵ Скорее всего, речь идет о съезде в Анди весной 1843 г. Генерал-адъютант Нейгардт в своем рапорте от 10 мая 1843 г. к генерал-адъютанту Чернышеву сообщал: «...Шамиль, собрав всех наибов, старшин и мулл из преданных ему обществ, объявил им якобы, что по малому с их стороны единодушию и усердию, не видя возможности достигнуть общей их цели, освобождение Дагестана от владычества русских, он снимает с себя обязанности главы веры и отказывается от управления дагестанцами, предоставляя каждому действовать по своему усмотрению. Но когда все, находившиеся на собрании, уверяли его, что все его

распоряжения и приказания будут исполнены в точности и с усердием, тогда он объявил, что непосредственное наблюдение за беспрекословным исполнением его предначертаний он поручает Ахверды-Магоме, Кибит-Магомету и Шуаип-мулле, чрез которых все наибы и старшины обязываются относиться к нему...». См. [Движение горцев, 1959, с. 390].

¹⁰⁶ Келеб — общество в Нагорном Дагестане (ныне в Шамильском р-не РД).

¹⁰⁷ То есть указания строго придерживаться шариата.

¹⁰⁸ Геничутль — селение в северо-восточной части Хунзахского плато (ныне в Хунзахском р-не РД).

¹⁰⁹ Мухаммад ат-Тануси был одним из ближайших сподвижников имама Шамиля. Абдуррахман ал-Газигумуки рассказывает, что Мухаммад ат-Тануси был наибом и «другом имама с начала джихада» [Абдуррахман из Газикумуха, 1997, с. 80]. Другой источник сообщает, что «Танус Магома, отправясь в 1864 г. на богомолье, умер в Мекке, а сын его, Малачи, выселился в 1869 г. в Турцию» (см. [Низам Шамиля, 1870, с. 28]).

¹¹⁰ Надо полагать, что имам Шамиль, боясь обидеть хунзахцев своим решением, послал за ал-Карахи, зная, что он вынесет решение, приемлемое для него. Мухаммадтахир, сказав, что этот вопрос «невозможно решить в этом месте», на наш взгляд, подразумевал, что для принятия решения по такому важному вопросу требуется более расширенное собрание.

¹¹¹ Гидатль — конфедерация вольных обществ в Нагорном Дагестане (ныне в Шамильском р-не РД).

¹¹² В тексте: *قرال* — *қаралал*. Аварское название жителей общества Карах.

¹¹³ В тексте: *لوار* — Авар. Автор подразумевает здесь селения, традиционно входившие в состав Хунзахского ханства.

¹¹⁴ Голотль — селение на левом берегу р. Аварское Койсу (ныне в Шамильском р-не РД).

¹¹⁵ В тексте: *لانت قرونهم*. Данное выражение является прямой калькой из аварского языка — *лъар тамахлъана*, что означает «рога смягчились».

¹¹⁶ В случае неумышленного убийства мусульманское право предусматривает выплату половины дийата (выкупа за кровь).

¹¹⁷ Здесь подразумевается упоминавшийся выше Муртаза‘али ат-Тилитли.

¹¹⁸ В тексте: *العج* — *алидж*. Неотесанный, грубый человек.

¹¹⁹ Курбанилмухаммад ал-Бацади (из Бацада — селение в Гунибском р-не РД) сначала был муфтием, а затем наибом Согратля [Абдуррахман ал-Газигумуки, 2002, с. 159]. В другом своем сочинении Абдуррахман ал-Газигумуки также упоминает о нем: «В Бацада [из числа ученых] был известный законовед наиб Курбанилмухаммад» [Абдуррахман из Казикумуха, 1997, с. 82].

Мухаммадтахир ал-Карахи в своей хронике обвиняет Курбанилмухаммада в участии в ограблении казны имама Шамиля [Хроника Мухаммеда ал-Карахи, 1941, с. 246–247].

¹²⁰ Вследствие больших людских потерь в имамате значительно возросло число вдов. Пытаясь снизить социальную напряженность, имам Шамиль издал приказ, по которому вдовы сами могли выбирать себе мужей или же их принуждали выходить замуж. Это противоречило принципам мусульманского права, с чем не мог согласиться и Мухаммадтахир ал-Карахи как один из последовательных сторонников шариата.

¹²¹ То есть в Темир-Хан-Шуру.

¹²² В тексте: *جورجزي* — Джурджазе. Действительный статский советник, князь Д.Д. Джорджадзе — начальник Северного Дагестана.

¹²³ Хаджиали ал-Чухи (1817–1877) — один из приближенных имама Шамиля, автор исторического сочинения «Сказания очевидца о Шамиле» (см. [Гаджи-Али, 1873, с. 1–76]). Подробнее о нем см. [Бобровников, 2010, с. 71–93].

¹²⁴ Субкомментарий известного мусульманского ученого Мухийдина Шейхзаде (ум. в 951/1544 г.) на тафсир (толкование) выдающегося мусульманского богослова Насир ад-Дина ал-Байдави (ум. в 1286 г.) «Анвар ат-Танзил».

¹²⁵ Комментарий египетского ученого Мухаммада ал-Заркани на сочинение своего соотечественника Шихабудина ал-Касталани «Ал-Мавахиб ал-Ладунья», посвященное «Сире» (жизнеописанию пророка Мухаммада).

¹²⁶ Сочинение по риторике известного мусульманского ученого, философа и поэта Масуда ибн Умара ат-Тафтазани (ум. в 1322 г.).

¹²⁷ То есть имущество русских, неверных.

¹²⁸ Надворный советник князь К.И. Меликов — председатель Дагестанского народного суда в 1869–1871 гг.

¹²⁹ В период имамата Шамиля, как видно из приведенного выше предписания кадиям, от жителей требовалось, чтобы «носили чалму размером в три-четыре локтя соответственно состоянию». Увидев Мухаммадгахира ал-Карахи в чалме, К.И. Меликов мог заподозрить его в неблагонадежности.

¹³⁰ Здесь подразумевается российский император.

¹³¹ Согласно предписаниям шариата, мужчинам запрещается использовать какие-либо изделия из золота.

¹³² То есть окрашивание бороды хной в красный цвет является предписанием сунны, и тем самым Мухаммадтахир ал-Карахи подчеркивал свою принадлежность к исламу.

¹³³ К тексту сделана приписка рукой Хабибуллаха, сына Мухаммадгахира ал-Карахи: «Вернее, желтого цвета. Когда отец умер, я снял обе те ленты с его чалмы и вложил их в конец данной книги».

¹³⁴ Абдурахман ас-Сугури — крупнейший дагестанский ученый-богослов, шейх накшбандийского тариката. Идеальный вдохновитель восстания 1877 г. и отец четвертого имама Мухаммад-хаджи (см. [Магомедова, 2010]).

¹³⁵ В тексте: درشكه — *дурушки*. Автор использует заимствованное слово «дрожки» — легкий четырехколесный открытый рессорный экипаж на 1–2 человек.

¹³⁶ В тексте: حجمحمد الانصكلوي. Нисба указывает на его происхождение из с. Унцукуль (ныне в Унцукульском р-не РД).

¹³⁷ В тексте: منات — *манат*.

¹³⁸ Здесь имеется приписка к тексту, сделанная рукой Хабибуллаха, сына Мухаммадтахира ал-Карахи: «Однажды, когда я посетил шейха Абдурахмана хаджи ас-Сугури, он мне сказал: „Русские, зная справедливость и благочестие твоего отца, вряд ли согласятся принять его отставку с должности судьи“».

¹³⁹ Газимухаммад б. Абдулла ал-Бацади (т.е. из с. Бацада, ныне в Гунибском р-не РД) был послан за участие в восстании 1877 г.

¹⁴⁰ Абдулхалим ас-Сугури (т.е. из с. Согратль) — известный ученый-богослов, один из активных участников восстания 1877 г., «из числа тех, кто возглавлял совет (машвара) той смуты». Был приговорен к казни через повешение [Мусаев, Шехмагомедов, 2011, с. 162; Мусаев, 2012, с. 143–147].

¹⁴¹ Ведет счет лет по исламскому календарю.

¹⁴² Сборник молитв и преданий, взятых из хадисов. Сборник составлен Шамсаддином Мухаммадом б. Мухаммадом б. ал-Джазари аш-Шафии (ум. в 1333 г.).

¹⁴³ То есть от царской администрации.

¹⁴⁴ فتنة صغور — *фитна Су³ур*. Следует обратить внимание на то, что многие дагестанские ученые-богословы характеризовали это восстание как газават, борьбу с неверными, а Мухаммадтахир называет его фитной между мусульманами (см. [Гасанов, 1997; Айтберов, Дадаев, Омаров, 2001; Гасаналиев, 2009]).

¹⁴⁵ Наиб Алихан ал-Авари — отец генерала Максуда Алиханова и его брата — Кайтмаза; родился в 1820 г. в семье богатого и влиятельного хунзахца Гусейна. После непродолжительной службы у Шамиля перешел на сторону царской России, где поступил на службу в Дагестанский конный полк. После продолжительной военной службы в 1879 г. был назначен наибом Тленсерухского участка, в 1884 г. вышел на пенсию и до самой смерти жил в Хунзахе.

¹⁴⁶ Эта часть сочинения написана Мухаммадтахиром ал-Карахи в форме *назма* — стихотворной формы, получившей широкую популярность в Дагестане.

¹⁴⁷ Далее, на отдельном вклеенном к л. 9а листке — приписка, сделанная сыном Мухаммадтахира ал-Карахи — Хабибуллахом.

¹⁴⁸ Мамалав из Чоха (1822–1883) — один из первых офицеров-дагестанцев российской армии, вышел в отставку с производством в полковники в 1881 г.

¹⁴⁹ Закария Нахибашев (1824–1887) — сподвижник имама Шамиля, впоследствии российский наиб, долгое время занимал должность Анцух-Капучинского наиба.

¹⁵⁰ Хонколав ат-Телетли (Телекья Гьанкалав) — потомок чанков, истребленных в свое время Кебед-Мухаммадом (выжили Шамхал и Гьанкалав). В 1877 г. был назначен сельским старшиной за помощь в подавлении восстания. Обозленный из-за истребления своего рода, усердно помогал в составлении списков подлежащих высылке односельчан [АхIмадов, 2005, с. 50].

¹⁵¹ 300 рублей.